

**Марина Голубева
Анна Сергеевна Одувалова
Клык Фенрира**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4987706

Клык Фенрира : фантастический роман / Марина Голубева, Анна Одувалова: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-62601-4

Аннотация

Восемнадцатый век. Российская империя.

Эпоха войн и балов, дворцовых переворотов и... магии. В этот котел страстей попадает обычный парень из XXI века, студент-археолог Алексей, случайно обнаруживший в раскопе Клык Фенрира – древний артефакт. Откуда Алексею было знать, что в славном городе Санкт-Петербурге готовится заговор чернокнижников, что не только России, но и всему миру угрожает легендарный Рагнарек? Ведь в институте ничему подобному не учили. Но Алексей сориентировался быстро. Немного знаний, немного ловкости, немного необычных способностей – и вот он уже помогает знаменитому магу, графу Сен-Жермену, и становится близким другом будущей императрицы Екатерины...

Содержание

Пролог	4
Волчий вой	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анна Одувалова, Марина Голубева

Клык Фенрира

История, по-видимому, только тогда и нравится, когда представляет собою трагедию, которая надоедает, если не оживляют ее страсти, злодейства и великие невзгоды.

Вольтер

Пролог

На высокой Жеравьей горе сцепились волки. Огромный, величиной с теленка, черный зверь уже торжествовал победу. Его противник изнемогал от ран, дыхание с хрипом вырывалось из открытой пасти, серебристо-белая шерсть слиплась от крови, а ослабевшие лапы скользили по раскисшей земле. Но он не желал сдаваться, упрямо рычал, приподнимая в оскале верхнюю губу. Победенный, но несломленный белый волк не собирался в знак покорности склонять перед победителем голову, подставляя незащищенную шею. Черный видел, что его противник, попробовавший сладкой крови врага, уже готов к смерти.

Огромный волк угрожающе взрыкнул, предупреждая, в глазах мелькнуло уважение. Он тоже устал, тяжело дышал, высунув язык, и поджимал прокушенную лапу, но отступить перед обессиленным, но несдавшимся врагом не мог.

Белый, наклонив голову и прижав уши, на дрожащих лапах медленно двинулся вперед. Тело его напряглось, и он прыгнул, сбивая противника на землю. Рычание перешло в яростный визг, и сцепившиеся волки покатались с крутого склона к озеру. Острые уступы камней дробили кости, но Белый, казалось, не чувствовал боли, мертвой хваткой вцепившись в горло врага. Мохнатый, рычащий клубок подпрыгивал, сминал густые заросли кустарника и наконец остановился у самой кромки воды. Оглушенный Черный попытался подняться, но противник в отчаянном усилии дернул головой, разрывая ему горло. Последнее, что увидел огромный волк, – торжество в глазах врага.

Но израненный Белый умирал. В предсмертной судороге лапы заскребли по каменистой земле, тело дернулось и замерло. Потухшие глаза не видели, как поверженный противник исчезал, медленно истаивая черным туманом, клочья которого рвал свежий предрассветный ветер.

К утру ветер стих, и над озером за клубился туман, превращая его в круглую чашу, будто наполненную пенящимся молоком. Из тумана словно вытаивали фигуры людей. Суровые бородатые воины, одетые в длинные кольчуги, спускались с холма и собирались вокруг лежащего на земле обнаженного мужчины. Покрытое рваными ранами тело, слипшиеся от крови волосы и торжествующая улыбка на мертвых губах. Его остекленевшие глаза смотрели в рассветное небо, а душа уже мчалась к чертогам Валгаллы.

Воины скорбно склонили головы, а затем, соорудив носилки из копий и щитов, положили на них погибшего и начали подниматься по склону к небольшой крепости на холме. А из приземистых деревянных домишек им навстречу уже выбегали люди. Совсем еще молодая женщина, прижимая к груди ребенка, кинулась к носилкам, замерла, взглянув в мертвое лицо, и тишину туманного утра разорвал отчаянный женский крик. В ответ по всему поселку заголосили, запричитали женщины, заплакали дети, лишь воины шли все так же молча. И никто не заметил, как с кожаного шнура, зажатого в мертвой, окоченевшей руке, соскользнул незатейливый амулет – волчий клык, а тяжелые сапоги воинов втоптали его в рыхлую землю.

Волчий вой

Глава 1

Трескотня кузнечика за окном надоела. Леха в очередной раз перевернулся с боку на бок. Молодому человеку, конечно, нравилось на раскопках, но не хватало привычных городских удобств и Интернета. И вставать приходилось по-деревенски рано. Вот сейчас на улице ночь, а он вертится и никак не может уснуть, а значит, завтра до обеда будет ползать, словно сонная муха. Кроме привычки, спать сегодня мешала совесть. Она гаденько нашептывала на ухо, что он, Леха совершил нехороший поступок – стащил с раскопа ценную находку, от которой, быть может, зависит будущее исторической науки. Ну, с ценностью Леха несколько преувеличивал: старый клык с дырочкой под шнурок вряд ли важен для науки. Скорее всего, это чье-то незамысловатое украшение. Но все равно нужно завтра вернуть. Парень нашел компромисс со своей совестью, повернулся на бок и, чтобы скорее уснуть принялся считать овец. Способ, конечно, дурацкий, но зато проверенный.

Овцы почему-то превратились в козлов с красными глазами и оскаленными зубами, а затем и вовсе в волков. Не успел Леха удивиться странностям собственного воображения, как волки исчезли, и в сумраке сна за клубилась какая-то белесая муть. Оттуда слышались скребущиеся звуки и приглушенное ворчание.

Стало не по себе. Вроде бы сон, а ощущение странное, словно и не спишь совсем, а бодрствуешь. Парень сел на кровати, вглядываясь в мутную тень, копошащуюся в углу. Тень уплотнилась, приняла человеческие очертания и выдвинулась вперед – просто переместилась в пространстве: только что была далеко – и вот уже стоит у самой кровати, таращась красными провалами глаз.

Стало жутко, как и бывает в кошмарном сне. В животе скрутился тугой комок страха, хотелось заорать, но крик застрял в горле, стало трудно дышать, и часто-часто застучало сердце. Леха вжался в спинку кровати и попытался натянуть на себя одеяло, но руки не слушались. Тень заворчала, по-собачьи отряхнулась, разбрасывая в разные стороны ошметки липкой тьмы, и на ее месте появился человек. Пахнуло дымом и мокрой псиной. Ничего жуткого в госте не было: обычный лохматый парень, одетый в меховую безрукавку и такие же штаны. Ощущение ужаса пропало, холодный комок в животе постепенно растаял, и стало легче дышать. Леха с хрипом выдохнул и закашлялся. Горло саднило, из глаз покатались слезы, а он все никак не мог остановиться.

Ночной гость фыркнул и весело захохотал. Издевательский смех окончательно привел в себя Алексея. Он перестал кашлять, вытер слезы и возмущенно спросил:

– Ты чего ржешь-то?!

– Это жеребцы с кобылами ржут, а я смеюсь. Смешно потому что. Вон ты от страха аж позеленел весь. Штаны-то, небось, стирать придется? – Гость опять издевательски загоготал.

– Шутки у тебя дурацкие! – обиделся Леха и закутался в одеяло с головой, оставив только небольшую щель для глаз – парня пробирав озноб.

– Ага, – с готовностью признал гость. – Я вообще шутник. Только разве это шутка? Вот помню, как-то раз... Э-э-э... Ладно, потом как-нибудь расскажу. Я к тебе по делу пришел. Еле-еле, между прочим, добрался. – Парень перестал хихикать и хмуро посмотрел на Алексея. – Ты вещь мою нашел. Вернуть бы надо.

– Какую вещь? – Леха почему-то сразу понял, о чем говорит собеседник, и произвольно схватился за клык, болтающийся на шнурке под майкой.

– Не придуривайся. Сам знаешь, какую. Мне этот клык, может, дороже всего на свете, мне без него жизнь не мила.

– Не могу, – замотал головой парень. Отдавать клык не хотелось, да и доверия странный тип не внушал. – Это – археологическая находка, она историческую ценность имеет.

– Сам ты – архиолухская находка! – Гость зло оскалился, но потом сморщился, зашмыгал носом и запричитал: – Ох, беда-то какая. Как же я теперь! Единственного имущества лишили. Все меня обижают, никто не любит, только требуют чего-то. То им дай, это – сделай! Ты вот ради них пот и кровь, можно сказать, проливаешь, а никто этого не ценит. Кругом беды одни, со всех сторон обложили... – Парень всхлипнул и начал вытирать закапавшие из глаз слезы.

Леха даже растерялся. Он и девушек-то не умел утешать, а тут здоровый мужик рыдает.

– Эй, ты что расклеился-то? Не переживай так, в жизни всякое бывает. Вон у меня тоже кругом одни проблемы, я же не плачу. – И Леха, стараясь хоть как-то отвлечь рыдающего парня, рассказал ему и о нелегкой доле студента, и о несданной сессии, и об армии, грозящей осенью, и о своем унылом существовании, в котором случаются преимущественно неприятности.

Диалог выходил странный, но Леху это мало удивляло – присниться может все что угодно, в том числе и жалующиеся на жизнь волосатые мужики.

Гость перестал плакать и слушал рассказ о Лехиных бедах внимательно, подперев щеку грязной волосатой рукой. Грустно шмыгал носом – сочувствовал.

– Эх, горькая у тебя судьбина, студиозус! Что и говорить, тяжелое это дело – учеба-то... Но ты мне зубы не заговаривай. Амулетик-то отдай! Мне без него совсем никак, а тебе он все равно ничем не поможет.

Леха, расстроенный из-за собственных проблем, которые сейчас казались совершенно неразрешимыми, махнул рукой, снял амулет и протянул его гостю. Тот, радостно сверкнув глазами, схватил безделушку, нацепил на шею и оскалился в улыбке.

– Вот молодец! Добрая душа, на таких воду возят. – Наглый тип весело заржал.

Леха даже оторопел и обиделся. Мало того, что не поблагодарил, так еще и издевается!

Гость вскочил и, приплясывая, двинулся в сторону двери. На полдороге остановился, словно вспомнив что-то, и вернулся.

– Слышь, студиозус! Хочешь от проблем избавиться? Есть у меня на примете мужик один, все учеников себе ищет. Вот, думаю, ты ему как раз подойдешь. Прогуляешься, развеешься. – Парень хитро глянул на Алексея и снова захохотал. – Да, и не обижайся, я доброту помню. Как-нибудь с приятелями пришлю тебе подарочек. Ну, давай, не унывай.

* * *

Под грохот пушек и шуршание кринолинов, в пороховом дыму и ароматах изысканных духов шествовал по Европе блистательный восемнадцатый век. Век политических интриг и гениальных мыслителей, кровавых войн и пышных балов, жеманных мужчин и царствующих женщин.

Солнечным осенним утром дорожная карета, запряженная парой уставших лошадей, въехала в северную столицу. И никто бы не заметил ее среди других экипажей, если бы не странный кучер, одетый в пестрый халат совершенно невообразимой расцветки, украшенную позументами треуголку, широкие, канареечного цвета шаровары и восточные туфли с загнутыми носами. Нелепая одежда вызывала смех у случайных прохожих, но, взглянув на лицо кучера, люди отворачивались и торопились убраться с дороги. Крючковатый нос, нависающий над иссиня-черной бородой, единственный глаз, горящий затаенной злобой, и мас-

сивная серьга в ухе никак не вязались с шутовским нарядом и больше подходили разбойнику, а не слуге.

В карете дремал богато одетый господин лет сорока. Обилие украшений, драгоценных перстней наводило на мысль о склонности к щегольству или несметном богатстве. Бриллианты замысловатой броши, скреплявшей жабо, рассыпали блики по стенам кареты.

От неожиданного толчка мужчина проснулся, открыл глаза и, зябко поежившись, выглянул в окно. Щурясь от солнца, неожиданно яркого после полумрака кареты, путник с интересом рассматривал строящийся Санкт-Петербург. Столичная знать, стараясь перещеголять друг друга, возводила особняки и дворцы. Город был наполнен стуком топоров, визгом пил и хриплой перебранкой рабочих. Свежий речной воздух, пропитанный запахами древесных стружек, щебенки и краски, приятно бодрил, прогоняя остатки дремы. Солнце отражалось в мокрой после ночного дождя мостовой, золотило шпиль Петропавловского собора, окрашивало стыдливым румянцем вычурную лепнину особняков. В такое утро хотелось создавать шедевры, открывать новые страны, в общем, вершить великие и нужные дела.

Путник высунулся в окошко и что-то крикнул вознице на странном гортанном языке. Кучер щелкнул вожжами, совершенно по-разбойничьи гикнул, и лошади пошли быстрее, переходя на рысь. Карета прогремела по мостовой Невской першпективы¹, вкатилась на деревянный настил Зеленого моста, свернула на Адмиралтейскую и через некоторое время остановилась около двухэтажного особняка. Из дома выскочили слуги и споро принялись распрягать лошадей и разгружать карету. Приезжий господин о чем-то переговорил с пожилым камердинером, одетым в ливрею с золотыми галунами, вошел в дом и поднялся на второй этаж. Одна из комнат оказалась практически пуста. Лишь у стены стояли диван, обитый цветастой шелковой тканью, и маленький столик. На ярком персидском ковре, свернувшись уютным клубком, спал полосатый серый кот.

Вслед за господином по лестнице поднимались кучер и камердинер. Они, отдуваясь, тащили большой, метра два длиной, предмет, завернутый в серую холстину. По той осторожности, с которой его несли, можно было понять, что предмет сей имеет для хозяина немалую ценность. В комнате слуги поставили свою ношу у стены и сняли холстину. Под ней находилось старинное зеркало в резной раме, украшенной фигурами диковинных зверей и странными символами, вплетенными в растительный орнамент. Поверхность зеркала, выполненная не из стекла, а из какого-то матового металла, почти ничего не отражала, видимо, раритет и не собирались использовать по прямому назначению. Когда работа по установке была закончена, камердинер задержался в комнате и, с сомнением взглянув на кота, спросил:

– Кота-то прикажете убрать, ваше сиятельство? Право, не знаю, откуда он тут взялся. Не иначе, с улицы забежал.

Господин несколько секунд рассматривал сладко спавшего зверя, даже позвал: «Кысь-кысь». Но кот внимание человека проигнорировал и прикрыл лапой толстую усатую морду. Тревожить добродушное существо казалось кощунством.

– Да пусть его спит. Занятная зверушка. Ишь, как по-хозяйски расположился! Ты лучше насчет завтрака распорядись. Да скажи слугам, чтобы кофе не варили. Освобожусь – сам сварю, а то они обязательно его испоганят.

– Как изволите, господин граф. – Слуга неуклюже поклонился.

– Да, и завтрак-то сам подай и вели, чтобы меня никто не беспокоил.

Камердинер потоптался у двери, посопел, тяжело вздохнул и пробурчал:

– Не дело вы, ваше сиятельство, затеяли опять. Дурное это колдовство-то...

– Вот тебя забыл спросить! – раздраженно фыркнул граф. – Указчик тут нашелся! Пошел вон!

¹ Першпектива (устар.) зд. – проспект. (Прим. редактора.)

Слуга вытянулся во фрунт, вздернув подбородок, гаркнул: «Слушаюсь, ваше высокоблагородие!» – и исчез в коридоре.

Когда дверь закрылась, господин облегченно вздохнул, подошел к зеркалу и любовно его погладил. Граф давно и успешно занимался магией. Его иногда называли жуликом и авантюристом, но чаще боялись или восторгались, а он лишь усмехался – мнение недалеких обывателей его не интересовало. В своей очень долгой жизни Сен-Жермен повидал столько всего, что было бы глупо обращать внимание на подобную ерунду. Его страстью являлась магия, и на познание ее тайн не жалко было потратить не только годы – столетия. Путь в таинственный мир колдовства начался именно с этого зеркала. Дыхнув на поверхность, господин вытер рукавом пятнышко пыли и задумался о том, что старый солдат, в общем-то, прав. С этим развлечением пора заканчивать.

Когда-то давно графу пришла мысль завести себе ученика, а так как к магическим способностям современников он относился весьма скептически, то решил поискать достойного преемника в будущем. Сначала эта идея показалась очень привлекательной и даже воодушевила графа на разработку нового заклинания. Однако опыты по «вылавливанию» учеников не принесли желаемого результата. А жаль! Такое красивое заклинание удалось сконструировать, и работало оно прекрасно... только криво как-то. Отловленные люди либо не долетали до места назначения, либо безвозвратно терялись в далеком прошлом. Маг-экспериментатор еще какое-то время развлекался, наблюдая за паническими метаниями своих потенциальных учеников. Но недолго. Люди из будущего были слабыми и трусливыми, терялись в незнакомой обстановке и погибали, чаще всего именно из-за своей трусости. Или в лучшем случае попадали в рабство, где окончательно теряли рассудок. Двенадцать потенциальных учеников – и ни одного стоящего. Сейчас эта идея уже не казалась графу столь привлекательной, но он решил, что сегодня будет последний – тринадцатый. Чертова дюжина – это очень символическое число для человека, практикующего магию.

Граф сделал несколько глубоких вдохов, сосредоточился, легко коснулся рукой нескольких фигур на резной раме, и зеркало вспыхнуло сиреневым светом. Медленно и четко выговаривая слова заклинания, маг начал перебирать пальцами, плетя поисковую сеть. Матовая поверхность стала прозрачной, и в ней появилось лицо светловолосой девушки с большими глуповатыми глазами. Граф раздраженно мотнул головой – только блондинок ему здесь не хватает! Была уже одна, даже вспоминать не хочется о ее «приключениях». Девушку сменил пожилой господин, читающий книгу, – тоже не то. Мелькнули лица подростка, спешащей куда-то женщины, ребенка... Но вот в зеркале возникла фигура высокого, голого по пояс мужчины, уверенно шагающего по странной бегущей дорожке. Этот, пожалуй, подойдет, осталось только дернуть за нужную нить.

В это мгновение мирно спящий кот утробно взмякнул и метнулся к графу, сильно ударив его под колени. Стараясь удержаться на ногах, маг взмахнул руками, нити заклинания перепутались и начали рваться с гулким вибрирующим звуком.

– Ах ты, шельма! – Экспериментатор резко обернулся, пытаясь схватить злодея за пушистый хвост. Но сзади что-то звякнуло, и графу стало не до охоты. Он кинулся к зеркалу, пытаясь поймать нить раскручивающегося заклинания. Но опоздал. В темнеющем стекле мелькнуло и исчезло испуганное лицо светловолосого парня. «Переход завершен», – донеслось из глубины погасшего зеркала.

– Вот же шельма! – сокрушенно повторил граф, оглядываясь по сторонам в поисках сбежавшего вредителя.

* * *

Леха проснулся с больной, словно с похмелья, головой и даже не сразу сообразил – солнышко уже высоко, а это значит, что сегодня он снова проспал. Немудрено с такими-то красочными и бредовыми снами. Ладно, лохматые наглые парни, появляющиеся из ниоткуда, но утренняя побудка ни свет ни заря... хотя... «Черт, – выругался молодой человек, скатываясь с кровати и спешно натягивая на себя мятые джинсы. – Значит, вопли над ухом «Леха, вставай!» и «Леха, как ты в армии служить будешь, тебя же добудиться невозможно!» были не очередным кошмаром, а реальностью?»

«Ну, эти поганцы за армию у меня получают», – буркнул парень и, засунув в рот печеньюшку со стола, выскочил на улицу. Пассаж про армию был жестоким, Леха даже пожалел, что не помнит, кто так виртуозно шутил. Он все лето старался об этом не думать, может, конечно, и зря. На дворе сентябрь, занятия в университете уже начались (только их группа приступает к ним на неделю позже из-за археологической практики), а у Лехи два несданных «хвоста» за прошлый семестр и времени на подготовку совсем не осталось. Учить лениво, но нужно. Если на зачет по археологии достаточно лишь прийти, поныть и сдать красиво оформленный отчет по раскопкам, то вот на экзамене по отечественной истории восемнадцатого века ожидают серьезные проблемы, которые вполне могут привести прямиком в армию. В армию не хотелось, но еще меньше хотелось садиться за учебники. «Ну, кому все это нужно, а? Вот зачем, спрашивается, мама заставила идти на истфак? Один сын – таксист со своей машиной, семьей и благополучной жизнью, а из второго решила сделать ботаника, который профессией не сможет даже на жизнь заработать?» Мысли о «хвостах» и неудавшейся жизни расстроили Леху окончательно, и он, стараясь больше не отвлекаться, ускорил шаг.

Когда идешь по узким улочкам старого поселка, кажется, что переносишься в прошлое. Ни суеты города, ни шумных магистралей, и неприятности не чувствуются так остро. До раскопа совсем недалеко, он находится на вершине холма над озером, вблизи старой, почти полностью разрушенной крепости. Обычно получасовая прогулка доставляет удовольствие и пролетает быстро, но сегодня необходимо спешить. Не до красот. Парень почти бежал по тропинке вдоль крепостной стены и размышлял над тем, что его снова ждет выговор. Руководитель практики еще на той неделе обещал Лехе, если тот снова опоздает, проблемы на зачете. Такие неприятности молодому человеку были не нужны. Еще один «хвост» – и прямо отсюда можно смело отправляться в местный военкомат.

Путь до раскопа студенты часто сокращали через старое кладбище. Леха нырнул под арку полуразвалившихся ворот, попав совсем в другой, какой-то мистический мир. На древнем кладбище много веков подряд хоронили местных жителей. Старинные каменные надгробья и покосившиеся деревянные кресты теснились по обочинам и прятались в густом кустарнике. Солнце здесь появлялось лишь на тропе, все остальное пространство тонуло в тени высоких деревьев. В жаркие дни на кладбище всегда было прохладно, а ближе к осени и вовсе пробирал мороз, казалось, что спускаешься в холодный погреб. Здесь ходили в основном, когда торопились на раскоп или домой после работы: удобная и утоптанная тропинка, да и место, заросшее вековыми деревьями и густым кустарником, скорее живописное, чем мрачное.

Утреннее сентябрьское солнце золотило извилистую дорожку и почти не грело. Дни все еще стояли теплые, но с утра в майке было уже зябко. Конечно, с лопатой в руках отогреешься быстро, но до раскопа еще топать и топать.

Леха по сторонам не глазел, торопясь выйти к главной достопримечательности кладбища – огромному каменному кресту. Именно оттуда начинался спуск к раскопу. Этот крест,

по легендам, воздвигли над могилой основателя поселка – князя Трувора, приехавшего на Русь более тысячи лет назад со своим братом – Рюриком.

По узкой тропинке иногда приходилось протискиваться чуть ли не боком, чтобы не задеть накренившиеся кресты. Странно, но кладбище все не заканчивалось. Леха давно уже должен был выйти к Труворову кресту. Парень остановился и вытащил из кармана джинсов мобильник. 10.15, сети нет. Молодой человек чертыхнулся и только потом понял, что блуждает между могил уже больше получаса.

«Неужели куда-то не туда свернул?» – мелькнула испуганная мысль, и сразу вспомнилась байка, которую местные любили рассказывать приезжим студентам. Про то, как один пьяный тракторист блуждал по кладбищу три дня, пока не вышел к Труворову кресту. Но он-то, Леха, не пил и с тропинки не сворачивал. Вот она, одна тут, почти прямая. Иди себе вперед и иди. Надгробия становились старше и попадались все реже. Скоро лишь кое-где проглядывали старинные, покрытые мхом кресты, а то и просто валуны. Темнело, Леха с ужасом понял, что углубляется в лес. Густой сумрак был не похож на тень вековых деревьев. Создавалось впечатление, что уже смеркается.

– Чертовщина какая-то! – выругался себе под нос парень, когда далеко за спиной услышал протяжный вой, который, казалось, поднимается от земли и растворяется в ночном небе, просачиваясь сквозь густые ветви деревьев. Вслед ему сорвался еще один, более высокий и звонкий. Выли то ли собаки, то ли волки. Собак Леха не боялся, он их даже уважал, но собачий вой на кладбище вызывал чувство панического страха. «А если это волки? Собаки ведь вроде как лаять должны? – мелькнула испуганная мысль, но парень постарался ее отогнать. – Откуда могут быть волки в поселке?» От холода свело лопатки, а зубы выбили замысловатую дробь. Леха решительно повернул назад и почти побежал по дорожке, огибая непонятно откуда взявшиеся узловатые корни.

Почти совсем стемнело, тропинка потерялась, растворилась в угольно-черной тени кустов. Вой теперь звучал впереди. Совсем рядом в высокой траве сверкнули красные огоньки глаз.

– Да что же это творится! – Леха замер в нерешительности, оглядываясь назад. В про свете между деревьями появилась серая тень: ощерившаяся пасть, горящие глаза и вздыбленная на загривке шерсть. «Волк!» – поразился Леха и, окончательно перепугавшись, рванул с тропинки в кусты, не разбирая дороги. Но и справа, и слева слышались злобные взрывкивания и хриплое дыхание, а над сумрачным кладбищем, уже больше напоминавшим чащу леса, плыл многоголосый волчий вой. В боку кололо, а дыхание с хрипом вырывалось из легких, Хитрые и умные твари словно сознательно загоняли Леху в западню.

Парень чувствовал, как сжимается круг. Наполненные дикой злобой протяжные звуки доносились со всех сторон, казалось, что окружающая тьма полностью состоит из этих звуков. Часто-часто билось сердце, вспотевшие руки дрожали, и хотелось сжаться в маленький, незаметный комочек. Парень осторожно присел на корточки, пошарил по земле рядом с собой – в отличие от голливудского боевика, арматурина под ногами не валялась, а жаль! Прямо как был, на четвереньках, молодой человек отполз в сторону и нащупал руками ствол дерева. Провел ладонями по шершавой коре и повис на толстой ветке. Дернул посильнее, ветка с хрустом обломилась, а Леха рухнул в траву, больно ударившись коленом об узловатый корень.

Глаза уже привыкли к темноте и различали деревья и густые кусты, в которых горели бесчисленные красные огоньки. Леха, отшатнувшись, прижался спиной к шершавому стволу. «Да сколько же их там?» – холодея от ужаса, подумал он. Рычание становилось громче и походило на злобный хохот. Вдруг откуда-то сбоку послышался человеческий крик и визг раненого зверя.

Мир взорвался шквалом звуков: вой и рычание волков, ржание испуганных лошадей и чья-то отчаянная ругань. В темноте угадывались лишь мечущиеся тени, бледный свет луны выхватывал из этого месива то рычащую пасть, то горящие красными углями глаза, то блеск топора. Леха так и не понял, кто пришел ему на помощь. Высокий мужчина с седыми усами описывал топором замысловатые восьмерки, удерживая волков на расстоянии, но, судя по хриплому дыханию, неожиданный защитник уже устал и долго не продержится.

Внезапно прямо перед собой Леха увидел оскаленную морду. Зверь припал на передние лапы, шерсть на загривке встала дыбом, в желтых глазах плескалось бешенство, а приподнявшаяся верхняя губа обнажала клыки, с которых стекала слюна. Молодой человек оцепенел. «Бросится... сейчас бросится», – стучало в голове. Прыжка он даже не заметил, просто в одно мгновение волчья морда оказалась прямо перед лицом. Совершенно произвольно руки, судорожно сжимающие огромный сук, метнулись снизу вверх, острый обломленный конец угодил зверю в горло, в лицо брызнуло горячим, и волк рухнул, подминая под себя Леху.

Парень лихорадочно отпихивал тушу, которая, казалось, весила центнер. Жесткая шерсть забивала рот и нос, вызывая тошноту, воздуха не хватало, а горло драло от крика. Наконец удалось освободиться. Он прекратил орать, ошалело огляделся и удивился наступившей тишине, в которой были слышны только хруст и чавканье. «Куда мужик-то делся?!» – в панике подумал Леха и, волоча за собой сук, бросился туда, где видел мельканье топора. Сделав буквально несколько шагов, парень замер: выглянувшая из-за туч луна осветила нескольких волков, которые рвали на куски то, что осталось от пришедшего на помощь человека. Надо было бежать, скрываться, пока хищники расправляются со своей жертвой, но Леха не мог. Он оцепенел от ужаса, рот открылся в беззвучном крике, мокрая от волчьей крови палка выскользнула из ослабевшей руки.

Один из волков повернулся и зарычал, парень увидел, как с морды капает кровь. Леха попятился, шаг за шагом отступая к кустам и не в силах оторвать взгляд от оскаленной пасти зверя. В волчьих глазах мелькнула насмешка и совсем человеческое презрение, зверь зарычал и бросился, целясь зубами в горло. В последнюю минуту Леха вскинул руку, закрывая лицо и голову, и закричал от резкой боли: клыки сомкнулись на запястье, дробя кости. Упав, парень попытался отпихнуть зверя ногами. Удар по морде заставил волка расцепить зубы, он взвизгнул и откатился в сторону. Леха, всхлипывая, вскочил и, зажимая руку, из которой хлестала кровь, бросился в кусты. Колючие ветки били по лицу, цеплялись за одежду, парень запинаясь о корни, спотыкался, пока, обессиленный, не упал. Застонав, он попытался ползти, каждую секунду ожидая, что волчьи зубы сомкнутся на его шее. Но рука онемела и не слушалась. Леха зацепился за корень, здоровая рука соскочила, пришлось по инерции опереться на раненую. Боль была адской, парень вскрикнул, окончательно потерял равновесие и покатился вниз по склону в овраг.

Очнулся он от того, что кто-то схватил за плечо. Заорав, парень шарахнулся в сторону и больно ударился о ствол дерева, попытался отпихнуться ногами, открыл глаза и увидел перед собой удивленно-испуганное лицо пожилого усатого мужчины.

– Ты че?! Приснилось что?

– Ты живой?! – Голос звучал хрипло, срываясь на сип, горло болело и саднило.

– А с чего мне мертвому-то быть? Живой, конечно. Э-э-э... Да ты, я вижу, совсем не в себе, эвон трясет как. Давай-ка я помогу. – Одетый в длиннополое пальто и странную круглую шапку мужчина помог Лехе подняться и усадил на траву, со словами: – Вот, обожди малость...

Парень не сопротивлялся, его бил озноб, кружилась голова, и окружающее пространство время от времени затягивал дрожащий туман. Горло саднило, и ломило над бровями, как при сильной простуде. Хоть зубы и выбивали замысловатую дробь, холодно не было,

напротив, все тело горело, как в огне. Жар растекался от запястья, давил на грудь, огненными молоточками стучал в висках. Стоило прикрыть глаза, как снова виделась оскаленная волчья морда и кровавые ошметки, разбросанные по поляне.

Молодой человек не почувствовал, как мужчина с трудом затащил его в карету и уложил на лавку, заботливо прикрыв своим кафтаном. Дальнейший путь Лехе не запомнился, видимо, он окончательно впал в забытие. Снова мерещились волки, целая стая, окружившая его, щерилась клыками и сверкала желтыми глазищами. Но в этот раз звери не нападали, они лишь подозрительно обнюхивали, порывивали недовольно, а затем затеяли какой-то странный хоровод. Движущиеся все быстрее и быстрее тени слились в туманную серую полосу, которая все сжималась и сжималась вокруг Лехи, пока не превратилась в тугую ленту, стянувшую горло. Парень хрипел и кашлял, пытаясь сделать хоть глоток воздуха. В минуты просветления слышались возбужденные и испуганные голоса людей, кто-то кричал, кто-то уверенно отдавал приказы. Затем все исчезло в мутной темноте беспамятства.

Глава 2

В мутный, больной сон ворвался волчий вой. Он вворачивался в мозг, как раскаленное сверло, будоражил, звал. Леха открыл глаза и с изумлением подскочил на широкой кровати. Обалдело уставился на свисающий балдахин. Нерешительно выглянул за полупрозрачную ткань и икнул, понимая, что либо проснулся в музее, либо вообще не проснулся, и все это очередной бредовый сон. Даже вой отступил на задний план.

Молодой человек помнил лес и мужика в странном кафтане, дальше – пустота. Как очутился здесь, Леха не представлял. На стенах резные панели, затянутые тканью в веселенький цветочек. Яркий ковер с причудливым орнаментом на полу, позолоченная мебель с гнутыми ножками и замысловатой резьбой и огромное зеркало в узорной раме, в котором отражалась заспанная, удивленная физиономия. У Лехи даже закружилась голова и возникло ощущение, что он попал внутрь огромной расписной шкатулки с захлопнутой крышкой – в комнате было довольно темно.

Громоздкие предметы около стен казались сгустками более плотной тьмы, понять, что это, было невозможно. Молодой человек с удивлением обнаружил, что его зрение ведет себя как-то странно. Секунду назад, едва проснувшись, он разглядел и обивку стен, и балдахин, а сейчас комната утонула во мраке и детали убранства стали неразличимы.

Туманный свет, лившийся из окна, растворялся, как будто съеденный темнотой. Вой раздался снова. В нем звучал требовательный зов. У парня перехватило дыхание, и по спине побежали мурашки. Странное возбуждение и ликование наполнило душу. Захотелось вскочить и бежать куда-то, туда, откуда звучал этот зов.

Леха поднялся и босиком подошел к окну. Ночь была по-осеннему темной и промозглой, резкий ветер гнул к земле деревья, бросал в стекло холодные капли и гнал косматые облака. Повинуясь непонятному чувству, молодой человек открыл ставни, подставляя лицо холодным брызгам. Где-то далеко нарастал гул, в котором волчий вой смешался с топотом копыт, звоном оружия и гортанными криками. Высоко, вровень с клубящимися облаками, появились силуэты всадников. Казалось, они вытаивали из черной бурлящей бездны неба, становясь более отчетливыми и объемными. Храпели и били копытами призрачные кони, ветер рвал плащи и трепал длинные волосы всадников. К ногам коней жались такие же призрачные силуэты волков, среди которых выделялся огромный черный зверь, словно сотканный из кусочка тьмы. Время от времени он поднимал голову и издавал призывный вой. Охота! Именно охотников со сворой собак напоминали всадники. Было страшно подумать, на кого они могут охотиться. Всадники стремительно приближались, и уже можно было рассмотреть их ржавые доспехи, скалящиеся черепа и красный огонь в провалах глазниц. Впереди несся предводитель в широкополой шляпе, надвинутой на глаза. Он скакал на огромном черном коне с восемью ногами, и копыта странного скакуна выбивали из облаков голубые искры.

Леха, не в силах отойти от окна, испытывал какую-то смесь ужаса и восхищения. Он с нетерпением ждал приближения страшной охоты, голова кружилась, тело охватила сильная дрожь, молодой человек совершенно неожиданно для себя ответил на зов вожака стаи и услышал, как торжествующий хохот прокатился над спящим городом. В хохоте потонула реальность, мир закрутился в бешеной карусели, и парень обнаружил себя несущимся в стае волков. Где-то вровень с головой били копыта лошадей, слышался звон оружия и гортанные крики. Под лапами проносились облака, в разрывах которых мелькали крыши домов и черное зеркало каналов, распахнутый рот хватал пропитанный дождем ветер, пряный и густой, насыщенный запахом конского пота, железа и свежей крови. А справа и слева, впереди и сзади бежали волки. Глаза их сверкали расплавленным золотом, щелкали клыки, косматые

шкурки серебрились от капелек влаги. Звери тяжело дышали и торжествующе взрыкивали. «Брат! Ты с нами, брат!» – слышалось Лехе. Внезапно вожак стаи, затормозив, обернулся. Его желтые глаза сверкнули веселым торжеством, а из оскаленной пасти вырвалось рычание, похожее на хохот.

Мелькнул шпиль высокого собора, земля резко приблизилась, и охота понеслась по узеньким городским улочкам. Всадники остановились у двухэтажного дома, сдерживая разгоряченных коней. Предводитель что-то выкрикнул и засвистел, а из дома с воплями ужаса выбежал лысый человечек в длиннополой одежде. Вой волков смешался с хохотом и бранью, и человек упал, корчась на мостовой. Звери кинулись рвать упавшего, и Леха с восторгом и упоением участвовал в кровавой забаве, стараясь первым добраться до тощего горла. Наконец предводитель сердито гаркнул на стаю, подцепил копьём еще трепыхающееся тело и прищипорил коня. Кавалькада снова оторвалась от земли и с гиканьем понеслась по облакам, а впереди, словно знамя, развивалась рваная ряса.

Леха не испытывал ни страха, ни отвращения. Ему было радостно и вольно, такой ликующей, яростной свободы он не испытывал никогда, хотелось вечно бежать среди облаков, над растворяющейся в предрассветном тумане землей. Но смутное чувство тревоги, досадной занозой засевшее где-то глубоко, не давало полностью раствориться в этом безумном гоне. Парень с раздражением тряс головой, пытаясь от него избавиться, но беспокойство нарастало, в голове возникли смутные образы людей, зовущих его по имени, дыхание сбилось, он споткнулся, выбиваясь из ритма бешеной скачки. Мир взорвался яркими брызгами, лучи солнечного света ударили в лицо, парень очнулся и с криком сел, сбросив на пол пару подушек.

– Ты лежи-лежи, барин! – Леха заполз обратно под полупрозрачный балдахин, на середину кровати. В комнате он был не один. У стены, в кресле, больше похожем на трон, сидел и, похоже, дремал тот самый мужик, который подобрал Леху в лесу. Парень очень хорошо помнил, как спасателя перед этим раздирали на куски волки, и поэтому косился настороженно – реальность и бред смешались и стали совершенно неразличимы.

– Где это я? Как я попал сюда? – Леха рискнул задать вопрос и все-таки выполз из-под одеяла, присев на край кровати. – Я не знаю, что у вас тут творится, но мне бы, того... домой. Точнее, обратно на раскоп...

– Не ведаю я ни про какие раскопы. – Мужчина поднялся с кресла и подошел ближе, обеспокоенно приложив сухую мозолистую ладонь к Лехиному лбу, словно проверяя, нет ли температуры – А по поводу дома, это ты с господином графом поговоришь, когда оправишься чуток. Слаб ты еще пока, лежи уж.

Леха вдруг отчетливо вспомнил и свои блуждания на кладбище, и встречу с волками, и горящие бешеной злобой глаза зверя. Снова всплыла в голове ночная сумасшедшая охота, и парень содрогнулся от ужаса. Приподнял рукав широкой светлой рубашки и увидел чуть выше запястья отпечаток зубов, похожий на старый ожог и широким полукругом выделяющийся на более светлой коже. Сразу вспыхнуло воспоминание о хрусте костей в волчьей пасти, и боль раскаленной иглой стрельнула от запястья к плечу.

– И все же, где я?

– Где? – Мужчина задумчиво почесал бороду. – Дык в столице нынешней, в Санкт-Петербурге, стало быть.

– В Питере? – Леха схватился за голову и со стоном упал обратно на кровать, чувствуя, как все плывет перед глазами. – Как я сюда попал-то?

– Дык я, стало быть, привез. Насилу нашел тебя, – пожал широкими плечищами мужчина.

– А зачем искал? – вопросов у Лехи было столько, что задать их все казалось просто нереальным.

– По приказу графа, стало быть. Он меня за тобой и послал. Сам бы я, конечно, тебя не отыскал. Спасибо доброму человеку, который мне на дороге встретился. Еду, стало быть, я потихоньку да на господина графа ворчу. Ищи, говорит, Семен его недалеко от Зименок – деревня это такая. А где недалеко-то – не сказал. На дороге вроде нет никого, а по лесу лазить – что иголку в стоге сена искать. Вдруг, смотрю, навстречу мне человек идет какой-то, парень как парень – лохматый, в меховой безрукавке, только по описаниям графа на тебя не похож. Мне рукой машет, ну, я, стало быть, остановился, а он и говорит: «Ты, служивый, человека ищешь? Так он вон там, у лесочка в овраге отдыхает». Подивился я тому, как этот парень прознал про то, что я тебя ищу, но лошадок на дороге оставил и к лесу побег. Смотрю, а в овраге, и верно, ты «отдыхаешь». Чуть живой. Еле дотащил тебя – совсем плохой был, все бредил, волков каких-то да кладбище поминал. Доволок я, стало быть, тебя до кареты-то, ну, и к господину графу поспешил. Все думал – не доведу, особенно когда ты задыхаться начал.

– Ничего не понимаю, – затряс головой Леха. – Ничего.

– Да ты не переживай, вон, лучше отварчик выпей, что господин граф тебе оставил, да и поспи. А потом он сам тебе все расскажет. Нечего пока голову мыслями всякими забивать. Спи и не думай ни о чем, сон – он наипервейшее лекарство.

Второй раз Леха проснулся спустя несколько часов. Яркое солнце светило в окно, прыгая бликами по ковру на полу и светлому постельному белью. Молодой человек осторожно откинул одеяло и присел на край кровати. Чувствовал он себя значительно лучше. По крайней мере, мог более или менее ясно мыслить, правда, это не помогло. Все равно не получалось объяснить, что произошло и как он оказался в Питере. «О! Черт! – всполошился Леха и привычно засунул руку под подушку в поисках мобильного. – Маме неизвестно сколько не звонил – ругаться будет, да и на практике, наверное, обыскались!»

Под подушкой телефона не было, в коротких штанишках до колен, которые на него непонятно зачем надели, даже карманы отсутствовали, а своей одежды молодой человек здесь не видел. Зато на маленьком резном столике у стены лежали все личные вещи: мобильник, пачка «Орбита» и солнечные очки.

– Ну и замечательно! – обрадовался парень и схватил трубку. Батарея почти села, а на экране высвечивалось неутешительное «Нет сети». – Как нет сети? В Питере – и нет сети?

Молодой человек задумчиво взъерошил волосы и прошлепал к окну, мало ли, мужик сказал, что Питер, а может, и не Питер, а какая деревня глухая. Хотя эта комната никак на избу не похожа, больше напоминает зал Эрмитажа.

Вид из окна совсем сбивал с толку. Неширокая улочка с аккуратными двухэтажными особнячками, деревянный мостик через узкую речку и знакомый шпиль Петропавловского собора вдалеке. Нет, конечно, это место вполне могло бы быть Питером. Наверное... Леха ни в чем не был уверен. Но почему внизу не асфальт, а мостовая? По брусчатке не торопясь ехала запряженная парой лошадей... карета. Где машины, толпы людей и, наконец, вывески и вездесущая реклама?!

– Что за хрень? – Леха, пытаясь прийти в себя, произнес эту фразу вслух и тут же услышал деликатный смешок за спиной. Парень развернулся и заметил у двери невысокого мужчину неопределенных лет. У него было смуглое лицо и темные с проседью волосы, то ли тщательно завитые, то ли волнистые от природы, забранные в хвост. Одет он был очень экзотично: черный камзол с широкими торчащими фалдами, узкие, до колен штанишки, белые чулки и туфли с пряжками, украшенными драгоценными камнями. Несмотря на то что обилие разнообразных блестящих украшений и золотая вышивка на черном камзоле вызывали у Алексея ассоциации с новогодней елкой и подозрения в нетрадиционной ориентации, этот странный человек как-то очень гармонично смотрелся в интерьере комнаты.

– Доброе утро, молодой человек. – Улыбка слегка тронула губы незнакомца. – Рад, что вам удалось справиться с хворью, а то, признаться, я уже начал беспокоиться.

– Где я? Что со мной случилось? – Леха все еще чувствовал сильную слабость, и голос был дрожащий и хриплый.

– Не спешите, давайте все по порядку. Честь имею представиться: граф Сен-Жермен. Вообще-то у меня много имен, я уж и сам забыл, какое из них настоящее. Но здесь и сейчас меня зовут именно так. – Станный господин кивнул головой и выжидающе посмотрел на Леху.

– Э-э-э... а я – Леха, – пробормотал тот, испытывая смущение от того, что разговаривает с графом полуголый. Господин в недоумении поднял бровь, и парень поправился: – То есть Алексей.

– Ну, вот так лучше. А то имя Леха пристало, скорее, конюху. Вы же не желаете быть конюхом?

– Нет. – Алексей замотал головой.

– А по отчеству как вас величать? Мы с вами пока не настолько близко знакомы, чтобы я мог вас звать по имени.

– Дмитриевич. Алексей Дмитриевич Артемьев. – Лехе почему-то захотелось кивнуть и лихо щелкнуть каблуками.

– Вот, это уже совсем хорошо. Будем знакомы, господин Артемьев.

– А?.. – Алексей смущенно взглянул на гостя, решая, какой вопрос задать в первую очередь, но незнакомец его перебил:

– Верю, у вас ко мне накопилось немало вопросов, и я постараюсь дать на них ответы, но чуть позже. Сейчас вам принесут одежду, и, когда вы приведете себя в порядок, мы сможем поговорить в библиотеке. Семен – вы уже с ним знакомы – вас проводит.

Гость ушел, а Алексей остался стоять у окна в одних подштанниках. Его мозг отказывался воспринимать происходящее как реальность. Вокруг творилось что-то странное. Но что?

Про Сен-Жермена Алексей слышал. Мелькал в Европе XVII–XVIII веков таинственный человек с таким именем, даже в России вроде бывал. Про него писали разные удивительные вещи: что он постиг тайны магии, живет уже несколько тысяч лет, может превращать любой металл в золото – в общем, обычный средневековый бред.

Идти на беседу с причудливо одетым господином, назвавшимся именем известного в прошлом то ли авантюриста, то ли мага, было боязно. Кто знает, какая гадость у него на уме. Как-то не доверял Алексей завитым мужчинам с бриллиантовыми брошами. Парень сильно сомневался, что странный субъект носил подделки.

Ждать Семена пришлось недолго: он появился в комнате с охапкой одежды в руках. Алексей, с сомнением рассмотрев длинный жилет, еще более длинный кафтан и короткие, до колен, штаны, вспомнил смотренный в детстве фильм «Гардемарины, вперед!». На актерах такой костюм смотрелся неплохо, но носить такое в реальности? Белые чулочки и рубашку с жабо и рюшечками парень надевать отказался наотрез.

– У господина графа не лавка готового платья, – рассердился Семен, – и другой одежды для вас нет. Эту-то еле сыскали, эвон вы, барин, какая дылда. Нечего перебирать, надевайте что есть. Вот завтра поутру портной придет, так ему и заказывайте что хотите, коли их сиятельство согласится ваши фантазии оплатить. А сейчас ни к чему капризы строить, чай, не девка на выданье.

Алексей посопел, поморщился, но признал правоту Семена и скрепя сердце напялил принесенную одежду. Подошел к зеркалу и с удивлением отметил, что смотрится в нелепом костюме, конечно, странно, но терпимо.

Солнце золотило подоконник и играло бликами на паркетном полу, пробираясь в помещение сквозь щель в неплотно задернутых занавесках из дамасской ткани. Ткань эта была

недешева, и позволить ее себе могли люди только богатые и тщеславные. Граф Сен-Жермен являлся одним из них. Он считал, что дом – это такой же аксессуар, как, например, запонки, шелковые подвязки или входящие в моду табакерки. Только аксессуар этот большой и требующий постоянных вложений. Как многие путешественники, большую часть жизни проводящие в разъездах, граф любил уют и стремился даже временное жилище устроить с максимальным комфортом, тратя на это большие деньги.

Все комнаты были выдержаны в едином стиле и походили на самого графа – такие же вычурные, помпезные, но гармоничные. Библиотека не являлась исключением. Только там всегда царил сумрак – не все старинные рукописи переносят яркий свет. Сен-Жермен часто принимал гостей, сидя у камина с бокалом хорошего вина. Именно в библиотеке он чувствовал себя дома. В каком бы городе ни обосновался граф, важным критерием в выборе жилища являлась библиотека. Она должна была соответствовать вкусу и капризам Сен-Жермена, все остальное можно стерпеть, а вот отсутствие библиотеки или неудачно выбранная под нее комната может испортить впечатление от любого дома.

Алексей в отличие от графа не любил библиотек. Они у него стойко ассоциировались с сессией и с вредными тетками, которые никогда не могли найти книгу по описанию, а требовали название и автора. В библиотеке следует сидеть тихо, нельзя есть пироги из столовки и нужно учить.

Библиотека графа ломала все стереотипы. Таких библиотек парень еще не видел. Камин у дальней стены, а перед ним два кресла и маленький стол, шкура медведя на полу, а вокруг стеллажи. Высокие, под потолок, и набиты книгами. Привычных ярких обложек нет, темные, изредка красные корешки и ощущение древности. Мягкий свет пламени камина и свечей почти не рассеивал царящий в комнате полумрак, стеллажи тонули в тени, а яркое пятно находилось лишь в центре комнаты, где в одном из кресел расположился граф. Молодого человека удивили плотные шторы на окнах, казалось, что сейчас не середина дня, а глубокий вечер.

– Что же, господин Артемьев, – начал граф, едва Алексей подошел чуть ближе. – Мы с вами попали в очень сложную ситуацию и должны придумать, как ее обернуть нам на пользу. А это небыстрый разговор. Присаживайтесь, в ногах правды нет.

Алексей послушно присел на кресло, покосившись на пузатую бутылку и два бокала, стоящие на маленьком столике. Присутствие странного графа и непривычная одежда не давали развалиться на сиденье или закинуть ногу на ногу. Парень примостился на самом краешке, выпрямив в струну спину. Это было очень неудобно, но Алексей не мог заставить себя расслабиться.

– Я не понимаю, о чем вы говорите. Я вообще не понимаю, что со мной произошло...

– Терпение, Алексей Дмитриевич, терпение. Я сейчас вам все расскажу. Только, сделайте одолжение, выслушайте мой рассказ до конца, а потом задавайте интересующие вас вопросы. Хорошо?

Алексей послушно кивнул, хотя вопросы уже рвались наружу, а граф еще не начал рассказывать.

– Есть у меня одно хобби – я увлекаюсь магией... Нет-нет, – граф предупреждающе вскинул руку, заметив, что собеседник подался вперед и уже открыл рот для вопроса, – вы же обещали выслушать до конца. Вот и выслушайте. Все вопросы позже. Так вот, когда обладаешь большим объемом знаний, всегда есть определенное опасение, что эти знания будут утрачены, если не успеешь их вовремя кому-то передать. Я искал ученика. Уже достаточно давно. Люди восемнадцатого столетия...

– Какого столетия? – не выдержал Алексей, тут же нарвался на раздраженный взгляд и заткнулся, но на графа стал смотреть как на сумасшедшего.

– Так вот, люди восемнадцатого столетия мне казались недостойными этих знаний. Я наивно надеялся, что люди будущего умнее и подойдут мне несколько больше. Я начал эксперименты, которые по разным причинам оказывались неудачными, и в целом я потерял надежду, да и сама мечта завести ученика поблекла, но...

– Но?

– Но вчера совершенно случайно, благодаря нелепому стечению обстоятельств, у меня получилось вытащить вас. И теперь нам нужно решить, что с вами делать. – Граф рассеянно поправил кружевные манжеты и посмотрел на парня, как на странную покупку, которую он вчера почему-то приобрел, а сейчас решительно не знает, зачем он это сделал.

– Стоп-стоп. – Алексей перевел дух, и граф, видимо, понимая его состояние, плеснул в стакан коньяк и протянул молодому человеку. – То есть вы хотите сказать, что благодаря каким-то магическим экспериментам перенесли меня в Питер восемнадцатого века? И теперь даже не знаете, зачем?!

– Ну, в целом вы мыслите верно.

– Я хочу домой, – четко проговорил Алексей и злобно уставился на собеседника. – Большого маразма я еще не слышал. Вы – ненормальный! А если ваши слова – правда, то тем более ненормальный!

– Ну-ну, успокойтесь, любезнейший. Вы называете меня ненормальным? Я мог бы с вами обсудить проблему нормальности, но сейчас не время вести философские беседы. – Граф вздохнул и насмешливо посмотрел на Алексея. – Вот вы требуете отправить вас домой. А что, вас там ждут важные дела? Почему вы так категоричны? Неужели вам не интересен наш мир? Не желаете посмотреть, как жили люди в прошлом? Тем более я не смогу вас отправить сейчас домой, даже если бы хотел это сделать.

– Почему не можете? – Алексей даже вспотел и от необычности ситуации, и от того, что может никогда больше не попасть в свое родное столетие. Даже надоевший университет сейчас казался очень милым и родным.

– Я постоянно работаю над заклинанием, но точность... точность иногда подводит. Я должен вернуть вас туда, откуда взял, но, как уже говорил, в этот раз все получилось случайно, а значит, потребуется время на дополнительные расчеты. Думаю, пока вы можете побыть моим гостем.

– Но я не хочу быть вашим гостем. Зачем мне это? Я хочу домой, на фига мне сдался восемнадцатый век? Мне и в двадцать первом жилось неплохо.

– Алексей Дмитриевич, поверьте, я сам не знаю, что мне с вами делать. Да у нас и нет иного выбора. Если заклинание сработает немного не так, то вы можете попасть не в двадцать первый век, а, скажем, в девятнадцатый. Причем уж точно навсегда, так как меня там не будет. Так что смиритесь и наберитесь терпения... И я не советую вам быть таким вспыльчивым и злить меня. В конце концов, ваше возвращение домой зависит от моей доброй воли и работоспособности, а истерики и лишнее сотрясение воздуха вызывают у меня головную боль. Я ведь могу рассердиться и просто забыть о существовании Алексея Дмитриевича Артемьева.

Алексей даже подавился очередным возмущенным воплем. Он отчетливо понял, что теперь находится в полной зависимости от этого странного человека и будет вынужден подчиняться графу в надежде на возвращение домой. Такое положение было необычным и страшным. Собеседник уже не казался холеным, изнеженным шутком неопределенной ориентации. Теперь этот странный тип предстал в образе большого черного паука, который поймал в свою паутину жирную муху и раздумывает, то ли сожрать ее сейчас, то ли оставить подыхать в липких тенетах. Алексей даже потряс головой, чтобы избавиться от неприятного, но яркого образа.

– Э-э-э... Как же так, господин Сен-Жермен... – У Алексея внезапно пересохло в горле, и голос звучал хрипло.

Граф поморщился и строго сказал:

– Прошу вас называть меня «ваше сиятельство» или, в крайнем случае, «господин граф», особенно на людях. Пока я здесь инкогнито. Да, и не волнуйтесь вы так. Поверьте, путешествия во времени весьма занимательны. Давайте мы с вами поступим таким образом: я постараюсь как можно быстрее разработать заклинание, способное вернуть вас обратно, а вы, в свою очередь, попытаетесь стать моим учеником. Магия – интереснейшая вещь. Далеко не каждый имеет возможность обучаться этому делу. Быть может, со временем вас это затянет...

– Меня? Учеба? Нет, не затянет! – Парень решительно помотал головой.

– Ну вот, опять вы меня расстраиваете. Отдыхайте пока, наслаждайтесь пребыванием в гостях, подлечивайтесь, в конце концов, а то вы почему-то плохо перенесли переход. А я пока подумаю, чем вы можете быть мне полезны. Услуга за услугу. Я вас домой, а вы... А вот что «вы», нужно подумать... И не расстраивайтесь, я думаю, со мной вам не будет скучно. Да и ничего невыполнимого я от вас требовать не собираюсь. До свидания, Алексей Дмитриевич. У меня сейчас неотложные дела, и я оставлю вас наедине с вашими мыслями. Разберитесь в себе, примите то, что я вам сказал, и завтра с утра мы побеседуем еще раз. Заодно и проведем несколько испытаний, которые помогут определить у вас наличие или отсутствие магических способностей.

Граф ушел, а Алексей так и остался сидеть в кресле, словно статуя. Спустя несколько минут парень пошевелился и плеснул себе еще коньяка из пузатой бутылки. Хорош ли напиток, он сказать не мог, так как за свою жизнь коньяк пил два раза. Первый – на свадьбе двоюродной сестры в прошлом году, но потом пил еще много чего, поэтому вкуса не помнил, а второй – вот сейчас.

В голове было удивительно пусто, словно все, сказанное графом, куда-то провалилось, прихватив с собой мысли, воспоминания и знания. Правда, вот встречу с волками Алексей помнил отчетливо. Хотя шрам, оставшийся на руке, к вечеру изрядно побледнел.

Молодому человеку очень хотелось думать, что незнакомец просто его разыгрывает, но вид Питера за окном убеждал в обратном. Смутно знакомые силуэты зданий и шпиль Петропавловского собора говорили о том, что это действительно Питер, а отсутствие машин, вывесок, электрических огней и неона рекламы заставляли поверить в реальность переноса в восемнадцатое столетие. Вряд ли кто-то обладает такими связями и возможностями, чтобы устроить столь масштабный розыгрыш, а значит, все это либо правда, либо сумасшествие.

Спать в таком состоянии не хотелось, тяги к чтению у Алексея никогда и не было, а вот голод давал о себе знать, и молодой человек решил осмотреться в доме, начав изучение, естественно, с кухни.

Глава 3

Высокий, болезненно худой дворянин с прямой, как стальной прут, спиной обладал бы военной выправкой, если бы не уныло опущенные плечи. Круги под глазами и складки в уголках губ выдавали усталость, хотя он и старался не подавать виду. Бессонные ночи и проблемы, до решения которых еще очень далеко, сказывались и на внешнем виде, и на самочувствии. Да еще упорные, но почти безрезультативные занятия магией вызывали уныние и раздражение, а от полночных чтений средневековых гримуаров² не было никакого толку. Разве что головная боль. Магические знания, доступные другим, более удачливым, ускользали, как вода сквозь пальцы. Но теперь появилась надежда изменить ситуацию в свою пользу.

Самуил Роза прибыл в Россию из Пруссии около месяца назад. Вообще, его целью было оказать поддержку Петру-Ульриху – сыну герцога голштейн-готторпского и дочери Петра Великого. Нынешняя императрица Елизавета Петровна, не имея своих детей, именно его объявила наследником Российского трона. Слабый, капризный и не слишком умный Петр являлся большим поклонником прусского короля Фридриха, что радовало германских политиков, озабоченных усилением восточного соседа. Придя к власти, Петр мог стать послушной марионеткой в руках Пруссии. Но вот только императрица не спешила отдавать власть. Определенные опасения вызывала и жена Петра – Екатерина. Она была умна и не разделяла симпатии мужа к Пруссии. Ее влияние на наследника Российского престола казалось нежелательным и опасным.

Правда, кроме важной государственной задачи, Роза преследовал и свои цели. К сожалению, русские, те, на помощь которых рассчитывал немецкий аристократ, не спешили оказать содействие. Они юлили, увертывались и пытались успеть «и тут, и там». Самуилу Роза до смерти надоело получать уклончивые ответы между «да» и «нет». Вот и верь после этого слухам о простодушии, наивности и искренности русских! Целый месяц он потратил на сбор сведений, компрометирующих высших российских сановников, подкуп слуг и изучение документов. Он припрятал в рукаве несколько козырей, и заманчивое предложение у него было готово для каждого, кто мог бы быть полезен.

Однако решить стоящие проблемы оказалось не так просто. Это стало ясно еще две недели назад, когда герр Роза нанес визит брату нынешнего канцлера Роману Илларионовичу Воронцову. Граф Воронцов был не только влиятельным российским вельможей, но и мастером Великой провинциальной логики.

Вечер в день визита выдался ненастный, промозглый, с дождем и грязью под ногами, что не добавляло очарования молодому, еще не до конца отстроенному Петербургу.

– Удивляюсь я вам, господин барон, зачем понадобилось отпускать карету? Какой смысл месить глину, если можно доехать с удобствами? Эти российские грязные канавы даже дорогами-то называть не пристало.

Маленький человечек, закутанный в серый помятый плащ с сомнительного вида пятнами, с трудом поспевал за высоким спутником. В зыбком свете угасающего хмурого дня двое дворян на грязной дороге смотрелись странно. Высокий и худой, элегантно одетый по последней моде, шагал широко и уверенно, умудряясь не испачкать свои белоснежные чулки бурой раскисшей глиной. А вот его низенький компаньон суматошно перебирал ногами, постоянно оскальзывался и громко ругался на каждую преграждавшую путь лужу.

– Да полно, можно подумать, в Европе грязи мало? – Высокий господин бросил насмешливый взгляд через плечо на преодолевающего очередную канаву коротышку. – Чем вы, любезнейший, недовольны? Пешие прогулки полезны для здоровья, а то вы засиделись

² Гримуары – древние книги с описанием магических законов и ритуалов. (Прим. редактора.)

в своей норе, провоняли зельями и мертвечиной. А тут на свежем воздухе, глядишь, проветритесь. Да и не к чему кучеру знать, куда мы направляемся. Случись что, ни донести, ни на допросе сболтнуть не сможет.

Коротышка плотнее закутался в плащ и с неприязнью посмотрел на затянувшие небо серые тучи. Несмотря на то что осень едва началась, ветер, дувший с Невы, был сырым и холодным. Стараясь не отстать от длинноногого барона, человек шмыгал носом и отдувался, на ходу поправляя выбивающиеся из-под треуголки пряди сальных волос.

– Мы здесь уже две недели, – бурчал он, обходя очередную лужу, – а ни на шаг не продвинулись. Не возьму я в толк, герр барон, зачем мы сюда притащились? Конечно, политика – дело серьезное. Скорейший приход к власти... – Здесь мужчина перешел на шепот и пробурчал что-то совсем невнятное: – ...несомненно, королю Фридриху выгоден. Но вы-то какую пользу для себя видите? Да и меня непонятно зачем притащили в это захолустье.

– Экий вы, герр Шнайдер, дотошный. Вам не нравится Россия? Мне тоже. Но, к сожалению, здесь находится то, что необходимо мне и, определенно, интересует вас. Помните наш разговор в том мухаму засиженном трактире в Гамбурге?

Невысокий мужчина задумался, поправил засаленные полы плаща, почесал нос, припоминая, а когда понял, о чем идет речь, не смог сдержать возбуждение.

– Так вы думаете, та вещь находится здесь? В России?! – Шнайдер даже забежал вперед, чтобы видеть лицо собеседника.

– Не думаю, а знаю. Вопрос только: где? Для меня это, поверьте, важнее, чем посадить на Российский престол нужного Фридриху человека. Тем более что рано или поздно он все равно его займет. Это вопрос времени, и не столь долгого. Императрица чувствует себя неважно, хоть и усиленно это скрывает. Год? Два? Три? Вряд ли больше... в этом вопросе наша с вами помощь не столь необходима. Вот если бы нужно было удержать на престоле уже почившего правителя... – Аристократ двусмысленно ухмыльнулся и покосился в сторону своего спутника, – тогда вы, любезный, могли бы оказать неоценимую помощь. А сейчас стоит заняться своими делами.

Шнайдер согласно хихикнул, впрочем, больше для вида. Господина он не особенно слушал и продолжил интересующий его разговор:

– Но... Как же вы найдете его? Россия – огромная страна. Искать здесь бессмысленно, все равно что жемчужину на дне океана.

– Главное – знать, где искать. Информацию об этом я и надеюсь получить. Возможно, даже сегодня. Нам с вами, любезнейший герр Шнайдер, несказанно повезло. Глава российских масонов – граф Воронцов – происходит из древнего варяжского рода. Его предок еще в одиннадцатом веке пришел на Русь. В семье Воронцовых хранятся записи, относящиеся к тому периоду и способные пролить свет на наше дело. Но это не все. Старшая дочка Романа Илларионовича, к которому мы сейчас и направляемся, – фаворитка нынешнего наследника престола. Так что граф Воронцов кровно заинтересован в быстрейшем вступлении на престол Петра и в том, чтобы ветренная его женушка Екатерина перестала так активно вмешиваться в дела мужа. Если действовать умно и аккуратно, то одним ударом мы убьем сразу двух очень жирных зайцев.

В тот момент задачи представлялись ясными, а пути достижения цели прямыми, но на деле все оказалось значительно сложнее. Встреча с Воронцовым, на которую так рассчитывал Самуил Роза, не принесла ожидаемого результата. Точнее, она вообще никакого результата не принесла. Роман Илларионович был любезен, доброжелателен и хлебосол. Настоячиво угощал дорогих гостей черной икрой, осетровым балыком, наливал водку из хрустального запотевшего графина, интересовался последними европейскими новостями, но, как угорь, ускользал от серьезного разговора. Господину Розе казалось, что он ловит растопыренными пальцами струйки воды. Это вызывало раздражение, но барон продолжал

упорно разводить политесы, так и этак выпрашивая Воронцова про отношение к наследнику, его жене и императрице. Воронцов улыбался и клялся в вечной любви ко всем трим.

В конце концов барон не выдержал и в лоб спросил Воронцова, не хотел бы тот посодействовать воцарению цесаревича Петра. Конечно, исключительно законными методами. Нет-нет... никакого насилия. Особый упор Роза делал на излишнюю активность жены Петра – цесаревны Екатерины. Дескать, не дело мужней жене брать на себя так много. А уж будущей императрицы и вовсе это не достойно. Вот Елизавета Воронцова была бы примерной женой наследника престола, не чета нынешней.

Роман Илларионович от таких речей подобрел и заулыбался, Роза собрался праздновать победу, но ответ собеседника его удивил.

– Вот что вы, господа европейцы, вечно свой нос в наши российские дела суете?! Нешто без вас не разберемся? – Воронцов крикнул, скривился и с досадой сказал: – Только аппетит испортил, а ведь как хорошо сидели!.. Но за радение спасибо. – Граф вздохнул, промокнул салфеткой вспотевший лоб и серьезно взглянул на господина Роза. – Коли что нужно будет – обращайтесь. Оказать помощь брату, хоть и не принадлежащему к моей ложе, святой долг. А принцесска эта... и верно, больно много на себя берет... но это их дело, негоже вмешиваться, да и супротив матушки Елизаветы Петровны не пойду, увольте. Пусть все идет своим чередом... Государыня нынче уж не сильно здорова. Не бережет себя на ассамблеях да балах всяких.

Роза заскрипел зубами. Его провели. Граф вызвал на откровенный разговор, заставил прямо высказать свою позицию, а сам открестился. Теперь придется осторожничать, вдруг этот разговор дойдет до кого-то из окружения Елизаветы? Проблем не избежать. Впрочем, Воронцов все равно был своим, а масоны своих не предают, по крайней мере те, кто искренне верен Делу.

– Да вы, господин барон, и не пьете ничего. Негоже это, уважьте уж хозяина. – Сам Воронцов вел себя как ни в чем не бывало и продолжал потчевать дорогого гостя, заставляя того нервничать сильнее. – Или анисовая не по вкусу? – притворно беспокоился он. – Ну, это бывает... А вот я вас сейчас наливочкой смородиновой угощу. Нектар божественный, а не наливочка! Эй, Прощка! Принеси-ка наливочку, которую барыня своими ручками для самых дорогих гостей готовила, – крикнул граф подскочившему слуге.

Герр Роза закатил глаза к потолку и чуть страдальчески не застонал. Рассказывали ему о русском хлебосольстве, но он и не подозревал, что от чарки водки так сложно отказаться. Вон его спутник уже «покинул этот мир» и уютно посапывал, подложив под щеку дорогую фарфоровую тарелку с золотой росписью. Самому барону еще удавалось сохранять рассудок и связность речи, хотя и с большим трудом.

Хозяин тем временем уже разливал в бокалы густую ароматную наливку. Рубиновые искры, преломившись в хрустальных гранях, каплями крови брызнули на белоснежную скатерть.

– Давайте-ка выпьем за наше общее дело, герр Роза, – восторженно предложил изрядно захмелевший граф. – За дело Вольных Каменщиков!

Не поддержать этот тост было невозможно, и барон осторожно сделал глоток. Роман Илларионович не обманул: вкус у наливки оказался действительно божественным. Темно-багровый, почти черный напиток пах солнечным утром и оставлял на языке вкус меда и диких лесных ягод. Осушив бокал этого поистине чудесного напитка, герр Роза повеселел и, по-дружески обняв хозяина, начал рассказывать о том, как он рад, даже, можно сказать, счастлив встрече с потомком великого варяжского воина, племянника самого ярла Якуна Слепого. Что он уже много лет интересуется историей этого славного рода, но ничего не знает о его обрусевшей ветви. А тут такая удачная возможность восполнить недостающие знания. Ведь, как он слышал, у Воронцовых хранится архив...

– Да помилуйте, герр барон, какой архив?! Шимон Африканыч, предок мой, и грамоты-то не знал, свое имя, поди, написать не мог. А вы – архив... Он же кто был? Варяг, сиречь викинг. – Воронцов наставительно поднял палец и посмотрел честными, пьяными глазами на барона. – Чай, окромя весла да меча и в руках ничего не держал... Да вы закусывайте, закусывайте. – Граф снова наполнил бокалы. – А то наливочка-то сладкая, но коварная, зараза.

Наливочка и в самом деле оказалась коварной, так как все последующие события барон помнил смутно. Вроде бы о чем-то спорил с хозяином, к кому-то приставал с непристойным предложением. Возможно, к молодому человеку весьма привлекательной наружности. Его лицо герр Роза запомнил хорошо, особенно выражение недоумения и гадливости. И еще он помнил графа, радушно провожающего их со Шнайдером к карете. Очухался бывший советник *консистории*³, а ныне тайный посланник прусского короля Фридриха и гроссмейстер масонской ложи, только утром... на коврик в прихожей съемной квартиры – видимо, графские слуги дальше его решили не тащить. Единственной мыслью, которая смогла поместиться в его распухшую и гудящую голову, была мысль о том, что он больше никогда, никогда-никогда не будет пить с русскими.

Болеет после этого случая герр Роза дня два, но зато сдержал данное себе обещание. Минувло две недели, а русских застолий удавалось избегать. Но без водки, наливок и ломящихся от еды столов дела решать оказалось намного сложнее. Пришлось прибегать к хитрости. Сегодня предстояла вторая встреча с графом Воронцовым, уже в официальной обстановке собрания масонской ложи. Если повезет, сегодняшний день будет удачен. Граф, конечно, ничего не скажет. Но, вероятнее всего, он уже обеспокоен новым увлечением своего сына.

Самуил Роза улыбнулся своему отражению в зеркале и, развернувшись на каблуках, направился к выходу, мысленно пожелав себе удачи.

* * *

После обеда солнце растаяло в дымке сизого питерского тумана. Сен-Жермен пересел с книгой ближе к окну, чтобы лучше видеть. Зажигать свечи не стал – все же еще не вечер.

Читать сегодня не хотелось, слишком уж сложным выдался день. Честно сказать, граф давно пытался вытащить ученика, и все попытки стали просто игрой. Он сам уже не верил в положительный результат. Странный юноша по имени Алексей оказался сюрпризом, и Сен-Жермен даже не мог с уверенностью сказать, что приятным. Что делать с новоявленным учеником, граф не знал и от этого мучился. С одной стороны, по большому счету юноша был ему совершенно не нужен, а с другой... не выбрасывать же на произвол судьбы столь ценный экземпляр? Тем более слишком уж необычным было появление молодого человека. Судьба? В судьбу граф верил и ее знаками старался не пренебрегать. Раз послала она ему ученика, значит, он ему действительно нужен, ну или понадобится... зачем-нибудь. Тем более, с судьбой соглашалась интуиция, а ей граф тоже привык доверять. Если бы не она, то графа уже и на свете-то не было, а прах давно бы по ветру развеялся. Значит, так тому и быть. Будем делать из лоботряса-студента мага.

Почитать сегодня так и не удалось, потому что графа еще ждали дела. Пора было собираться на встречу с братьями по ордену. Ничего интересного, а тем более, полезного для себя Сен-Жермен от этой встречи не ожидал, но долг обязывал, да и простые правила вежливости соблюдать требовалось.

³ Значение непонятных слов можно посмотреть в глоссарии. (Прим. автора.)

Масоны стали популярны в Европе сравнительно недавно, когда в их ряды вступила куча ленивых и амбициозных аристократов. Этим разжиревшим и изнеженным бездельникам членство в масонских ложах позволяло ощущать собственную значимость, создавало иллюзию тайной власти, которой они якобы обладают.

Граф скривил губы и презрительно фыркнул. Сам он не был ни ленивым, ни амбициозным, но с орденом масонов (тем, старым – действительно тайным и неподкупным) его связывало многое, помимо личных интересов. Собственно говоря, идеалы Вольных Каменщиков его совершенно не интересовали, а вот знания, накопленные орденом за века своего тайного существования, были поистине бесценны. Вот и сегодня он рассчитывал кое-чем поживиться у графа Воронцова, который возглавлял русских масонов.

Алексей долго блуждал по дому графа, пока не вспомнил, что кухня вполне может располагаться в подвале. Помещение оказалось большим, с огромной русской печью посередине. Массивные деревянные столы и придвинутые к ним табуретки на грубых, толстых ножках стояли у дальней стены. Деревянные полки шли вдоль стен, а на них – горшки, кастрюли, глиняные кринки, небольшие аптекарские бутылочки. Такие Алексей раньше видел только в музее. Рядом с печью колдовал раскрасневшийся от жара Семен.

– О, нашел, стало быть! – Семен приветливо улыбнулся, как дорогому гостю. – Господин граф мне наказал, дождись, мол, подкидыша нашего. Он, поди, голодный, так кухню уж всяко найдет. Студент, как солдат, еду за версту чувствует. Оно и правильно, хорошая еда что в ратном деле, что в учебе помогает. Давай-ка, барин, отобедай, а то голод, он, как известно, не тетка, и ничего хорошего в пустом брюхе нет. Вон я, когда в солдатах-то был, всегда, стало быть, старался поближе к кухне держаться, потому и живой остался. На сытое брюхо и драться веселее, и беды уже не беды, и горести не такие горькие.

Голос Семена успокаивал, а сам старый солдат, не переставая болтать, сноровисто вытащил ухватом из печи два больших чугуна, наложил в блюдо что-то умопомрачительно вкусно пахнущее, нарезал крупными кусками ноздреватый, еще теплый хлеб. Через минуту перед Алексеем появилась большая миска горячих щей, тарелка тушеного с овощами мяса и хрустальный бокал красного вина.

– Их сиятельство хоть и француз, а русские щи очень уважает, и когда в Россию приезжает, почитай, каждый день велит их готовить и обязательно в глиняной плошке подавать. И, стало быть, не серебряной ложкой, а непременно деревянной кушать изволит. Так что, уж не обессудь, я и тебе, как господину графу, подал.

Алексей закивал и, прикрыв глаза от удовольствия, заработал ложкой. Щи были горячие и удивительно вкусные, с мелко покрошенным мясом и душистыми приправами. Действительно, после первых ложек на Алексея спустилось какое-то умиротворение и спокойствие, и к концу трапезы парень уже почти смирился со своим пребыванием в прошлом. То ли вкусная еда так повлияла, то ли убаюкивающий говорок Семена, а может, и вообще какая-нибудь нехитрая житейская магия.

Утолив голод телесный, молодой человек решил порасспросить старого солдата о графе. Любопытство росло по мере того, как отступал голод. Имя «Сен-Жермен» Алексей уже слышал. Но все его знания сводились к тому, что жил в восемнадцатом веке странный человек с этим именем, то ли маг, то ли авантюрист, то ли еще кто. И был он настолько известен и популярен, что память о нем сохранилась в истории.

– Семен, а ты давно служишь графу? – спросил Алексей, облизывая ложку и пододвигая к себе тарелку с мясом. – Ведь он же не местный, француз, ты говорил.

– Ну, может, и француз, а может, англичанин или еще кто. Господин граф много путешествует, и во всех странах на тамошнем языке разговаривает, как будто оттуда родом. Про

француза это я так сказал. Иностранец он, стало быть. А у графа я, почитай, пять лет. Их сиятельство в России и раньше бывали.

– Ты, дядя Семен, говорил, в армии служил, как же у графа оказался?

– Служил... На двадцать пять лет, стало быть, забрили, совсем еще молодой был, оженился и то не успел. Помотало меня, и в Европе воевать довелось, и с турками. Потом наш генерал меня к себе денщиком взял. Ну, там, амуницию ему чистить, порты грязные стирать, с похмелья рассолом отпаивать... и так всяко разное. Вот тут-то я понял, что с турками-то воевать проще... Они, турки-то, тоже ведь люди... Другие только маленько, но люди...

Так вот, на счастье мое, генерал-то картежник был. Ну, и проиграл как-то раз по пьянке меня графу в карты. Уж не знаю, как там генерал это дело обставил. Чай, записал меня в убитые – и дело с концом. На то его генеральская воля. Может, и панихиду отслужили, как по всем убиенным. Так это и вовсе, говорят, к долголетию да удаче. Ну, когда еще живого случайно отпевают, – пояснил Семен Алексею. – Был у нас как-то случай. Один флигель-адъютант, то ли Галушкин, то ли Малушкин его фамилия была – уж не припомню, – попал из штаба к нам на передовую, видно, с каким-то письмом от своего генерала. Да в самое пекло и угодил: пушки палят, солдаты орут, все вонючим пороховым дымом затянуло. Ад крошечный! Ну, он с перепугу утащил из штабной палатки бутылку немецкого шнапсу да и напился в зюю. Его за мертвого и посчитали да в список убиенных внесли, а флигель-адъютант-то очухался и к своему генералу обратно укатил. Только батюшка всех по списку отпевал, ну и его отпел. Так, говорят, флигель-адъютанта потом ни пуля, ни сабля не брала.

А господин граф мне даже документ выправил, как мастеровому, стало быть... – Голос старого солдата дрогнул, а в уголках глаз блеснули слезы. Он помолчал немного, видимо вспоминая свое нелегкое житье, а потом широко улыбнулся. – Так что я теперь вольный человек и их сиятельству до самой смерти служить буду. И все равно тот карточный выигрыш не отслужу.

Алексей как-то неловко себя почувствовал. Вот ведь время – человека можно в карты проиграть, как вещь какую-то. Нет, он, конечно, знал про крепостное право, про жестокость помещиков, про пожизненную службу в армии. Но вот столкнувшись с человеком, хорошим, добрым человеком, для которого все это не книжные слова, а самая что ни есть реальная жизнь, испытал непонятное чувство вины и поспешил перевести разговор на более интересную для себя тему:

– А господин твой, граф Сен-Жермен, он кто, чем занимается?

– Их сиятельство – ученый человек, науки всякие изучает и путешествует. – Семен гордо приосанился, словно ученость графа была его личной заслугой. – Для него нет ничего невозможного, он даже простой металл в золото превратить может. И еще, – Семен понизил голос, – он многие сотни лет живет, а то и все тысячи. Слышал я, как он рассказывал одному господину, что с самим Иисусом Христом встречался и беседовал.

– С Христом? – удивленно хмыкнул Алексей. – Ну, это же невозможно! Может, граф, того... прихвастнул маленько.

– Ты, барин, мне про их сиятельство такого не говори! – рассердился Семен. – Скажешь тоже, «прихвастнул». Ни к чему господину графу хвастаться, не перед кем кичиться, для него нет ничего невозможного. Господин граф – великий маг!

– Маг? Это колдун, что ли?

– Почему это колдун-то?! – кипел от возмущения старый солдат. – Чему вас только в ваших университетах учат? Колдовство – это бабкины сказки да суеверия всякие, а магия – наука.

Глава 4

Санкт-Петербург – капризный город. Словно ветреная, избалованная красавица, которая сначала дарит улыбки, а потом ускользает, скрывшись в пестрой толпе. Сегодня она мила и игрива, а уже завтра на что-то обижена. Не угадаешь, не поймешь и не застрахуешься от неожиданных перемен настроения. Такие же чудеса творятся с погодой в Санкт-Петербурге. Только что светило солнце, миг – и резко потемнело, наплзли низкие тучи с Невы, и начался дождь. Мелкий, моросливый, по такому не поймешь, то ли он закончится с минуты на минуту, то ли будет надоедать сутки.

Лужа у дома графа Воронцова из-за таких природных коллизий не высыхала никогда. Карета остановилась прямо перед ней. Сен-Жермен выглянул на улицу, примерился начищенным ботинком, понял, что перепрыгнуть не сможет, и забрался обратно, велел кучеру проехать немного вперед. Впрочем, грязь оказалась коварной. Эту лужу граф миновал, но поскользнулся на обочине и съехал в следующую, испачкав не только ботинок, но и белый чулок.

Мужчина раздраженно выругался, посмотрел по сторонам и, не заметив нежелательных свидетелей позора, принялся затирать пятно пальцем. Лучше не стало – только размазал грязь по тонкой ткани. Сморщившись от досады, Сен-Жермен нагнулся, прикрыл бурые разводы рукой и прошептал заклинание. Пятно исчезло, граф поправил полы кафтана и направился к парадным дверям.

Он не ждал откровений от этого заседания, просто хотел переговорить с Романом Илларионовичем – Мастером Великой провинциальной ложи и обладателем одной необходимой Сен-Жермену вещи. Остальное графа беспокоило мало, хотя определенное любопытство он испытывал – русские масоны были весьма своеобразны. Впрочем, Сен-Жермен успел убедиться, что русские любое влияние извне способны подстроить под себя, свои убеждения и вкусы. В России не служили Делу – в России играли в масонов. Вступали в орден, чтобы подчеркнуть свой социальный статус, ради интереса, для удовлетворения амбиций. Российское общество видело в масонстве лишь модную забаву, освященную в глазах знати ее заграничным происхождением. Часто людей интересовала чисто внешняя, обрядовая сторона масонства – символика и ритуалы. Перстни с адамовой головой, напоминающие о бренности всего земного, заколки в галстуках, запонки, ленты, фартуки, перчатки, молотки, наугольники, циркули – во всем находили завораживающую экзотику.

Это было забавно и занятно, особенно потому, что самого Сен-Жермена с орденом связывало как раз то, что русское общество предпочитало игнорировать – тайные знания. Богатый, накопленный веками капитал. Часть масонских реликвий находилась здесь, в России, прямо под носом у тех, кто забавы ради именовал себя Вольными Каменщиками.

До начала собрания ложи оставалось еще около получаса, гости разбрелись по зимнему саду и холлу дома Воронцовых. Основная масса людей собралась в саду с диковинными растениями. Цветы требовали большого ухода, времени и знаний, но, услышав однажды о подобном чуде от английских гостей, зимним садом увлеклась супруга Воронцова. Это была ее головная боль и любимое детище. Все хлопоты по содержанию оранжереи окупались, когда приходили гости и выражали восторг и удивление.

Сад не отличался разнообразием растений, по-настоящему экзотичной была, пожалуй, лишь привезенная откуда-то с юга пальма, но зато интерьер был продуман до мелочей и красив. И кадки, расставленные по стенам, и плющ, ползущий по краю огромного окна, и небольшой пруд.

Граф подобной красоты за свою жизнь повидал немало и поэтому в зимний сад не пошел, оставшись лениво разглядывать картины на стенах в холле. На некоторое время поте-

рял бдительность и тут же оказался взят в оборот вечно ноющим поэтом, автором пьес и жутчайшим занудой, но облаканным нынешней властью.

Сен-Жермен искал в толпе более приятного собеседника, но наткнулся взглядом на того, кого увидеть здесь не ожидал. Пришлось затаиться, отступить в угол за колонну и выслушивать унылые жалобы на жизнь. Поэт с печальным взглядом был успешен, почитаем и близок ко двору, но при всем при этом почему-то считал себя обделенным то ли деньгами, то ли славой. Сен-Жермен не вникал, он с участливым видом кивал, а сам ловил обрывки фраз, доносящихся из другого конца холла. Человеческий слух слишком слаб, чтобы слышать разговор на таком расстоянии, но есть средства, позволяющие его немного усилить.

– К сожалению, ничем не могу вам помочь, герр Роза, – услышал граф и зашипел. Все же он не ошибся, и с Голицыными беседовал именно его лютый недруг – Самуил Роза.

В течение очень долгой жизни у Сен-Жермена было много врагов. Одни из них исчезали – чаще всего не по своей воле, – на смену им приходили другие. Но, как правило, граф принимал деятельное участие в приобретении своих недругов. Этот же завелся совершенно самостоятельно, как таракан за печкой. И оказался, так же как таракан, неистребим: прихлопнешь в одном месте – вылезет в другом. Обычный, никакими особыми талантами не наделенный человек, он словно задался целью превзойти Сен-Жермена если не в магии, так в подлости и коварстве. Что нужно этому прусскому прихлебателю, лжецу и мерзавцу в России, граф мог лишь предполагать, и ни одно из этих предположений ему не нравилось. Если политическая миссия Розы была кристально прозрачна – всем известно, кто его господин, то вот истинные мотивы появления в Петербурге оставались тайной.

Искоса наблюдая за беседующими, Сен-Жермен усмехнулся. Эх, не там герр Роза ищет поддержку. Большинство российских масонов преданы государыне императрице, и многие помогали ей взойти на престол. Вон как бросило в жар подошедшего к ведущим беседу братьям Елагина. Разозлился, руками замахал. Не иначе, речь зашла о цесаревне Екатерине. Ох, не любил Иван Перфильевич, когда жену будущего правителя порицают. Хоть порицать было за что. Ну, это не суть дела...

Разговор, идущий в стороне, оказался намного интереснее печалей нудного собеседника, но подойти ближе Сен-Жермен не решался – не стоит распугивать рыбу неосторожным плюханьем в воду.

– Граф! Ну, вы же совершенно меня не слушаете! – напомнил о себе поэт громким, визгливым голосом и, конечно же, привлек внимание Розы.

Неприятной встречи избежать в любом случае невозможно, но сейчас Сен-Жермен к ней был не готов. Роза надулся, словно индюк, и двинулся вперед. К счастью, прозвучал удар гонга, и разговоры стихли. Собравшиеся неспешно облачились в белые перчатки и фартуки, смотревшиеся несколько комично на расшитых серебром кафтанах, и степенно направились в комнату заседаний.

– Вот уж не ожидал вас тут встретить, – послышался из-за спины шипящий голос Розы. «Все же подобрался, паразит», – брезгливо подумал граф, прикидывая, получится ли ускользнуть от нежелательного собеседника. По всему выходило, что не получится. Сен-Жермен передернул плечами от омерзения. Надежда, что открытого столкновения с давним недругом удастся избежать, оказалась несбыточной.

– Взаимно, – буркнул граф и, повернувшись спиной к Розе, поспешил уйти, как только немного рассосалась толпа впереди. Братья уже занимали места на невысоких скамьях. Чуть замешкавшись в Преддверье, чтобы отдать Привратнику полагающуюся монетку, граф прошел в Ложу и скромно встал в стороне, как и положено гостю. За спиной тут же пристроился настырный интриган. Подпускать Розу со спины было верхом глупости, и Сен-Жермен, понимая это, чувствовал себя очень неудобно. Сделать мерзавцу ему, конечно, ничего не делает, но ауру попортит однозначно.

Довольно просторная комната погрузилась во тьму. Лишь на небольшом возвышении в противоположном конце зала горели три свечи, освещая массивную книгу и череп, тарасившийся на собравшихся пустыми глазницами. Да еще откуда-то сверху едва просачивался слабый рассеянный свет. Фигуры людей, расположившихся на длинных скамьях, лишь угадывались и казались потусторонними тенями. Слышались приглушенные голоса. Братья в ожидании заседания перешептывались, обсуждали какие-то свои дела и просто сплетничали от скуки.

– Почему в последнее время вы, Сен-Жермен, или как вас сейчас называют, постоянно путаетесь у меня под ногами? Куда бы меня ни привели дела, я вечно натываюсь на вас. И в России вы явно неспроста. – Голос Самуила Розы снова заставил непроизвольно вздрогнуть, и граф подумал, что общение с некромантами постепенно превращает барона Розу в ходячий труп. Такое впечатление, что даже от его голоса мертвечиной пованивает.

– Да у вас какая-то нездоровая мания, господин барон. – Сен-Жермен понял, что отвязаться от неприятного субъекта не удастся. – Ведь нынче вы уже барон?

– Я не меньше барон, чем вы граф! – раздраженно проскрипел герр Роза. – Не вставайте у меня на дороге, а то снова придется расплачиваться!

– Заранее боюсь, – буркнул граф и замолчал, так как с потолка была спущена люстра, озарившая зал ярким светом, и на возвышении у алтаря появилась фигура Достопочтимого Мастера, облаченного в ритуальные одежды, с голубой лентой на шее. Собрание началось, как обычно, с молитвы, а затем Мастер торжественно представил присутствующих гостей, сделав акцент на их высоком положении в масонской иерархии. Причем граф, имевший высшую степень и звание «Рыцарь белого и черного орла, Великий Избранник Кадош», был удостоен чести, и его почтительно проводили на Восточные скамьи два офицера логи, тогда как барону пришлось пробираться самому. Это, судя по злобно сверкавшим глазам и яростному шипению, не улучшило авантюристу настроения. Но он промолчал, не желая нарушать принятый этикет и вызывать нарекания.

Сам Сен-Жермен был не рад оказанным почестям. Неожиданная встреча с Самуилом Розой и так не сулила ничего хорошего, а уж, пусть и случайное, напоминание о причинах конфликта, произошедшего между ними несколько лет назад, усугубляло и без того неприятную ситуацию.

Впервые Сен-Жермен и Самуил Роза столкнулись давно, во Франции, на учреждении степени Рыцаря Кадоша – мстителя за тамплиеров. «Рыцарь Белого и черного орла, Великий Избранник Кадош» – тридцатая, высшая масонская степень. Она дает доступ ко всем тайнам и документам масонов. Роза очень хотел получить эту степень, чтобы добраться до сокровищ тамплиеров, а получил ее Сен-Жермен, причем совершенно неожиданно для себя, не прилагая никаких усилий. Просто некоторые из высших масонов знали о ряде заслуг графа перед братством, о тех заслугах, которые не афишировались. А Розе просто не доверяли, его презирали и понимали, что он преследует только свою выгоду. После того, как на собрании в Лионе кандидатуру Самуила Розы даже не включили в список претендентов, он и начал мстить Сен-Жермену. Да так умело и хитро, что смог серьезно достать непроницаемого графа, нашел слабое место и ударил, подло и жестоко.

Граф до сих пор испытывал боль, вспоминая события минувших лет. Он, конечно, отомстил. Сделал все, чтобы Самуила Розу лишили сана и весьма денежной должности советника консистории, благо нынешний барон не отличался добродетелью и его романтические пристрастия вызывали у братьев порицание. Даже придумывать не пришлось ничего. Естественно, отношения после этого стали только хуже, редкие встречи заканчивались всегда плачевно, а самое неприятное, что часто герра Розу интересовали те же вещи, что и Сен-Жермена.

Распрощавшись с карьерой, бывший советник консистории возомнил себя магом и увлекся поисками древних артефактов в надежде ими усилить свои скудные способности. А между делом шпионил в пользу то одного, то другого европейского монарха. Сейчас вот прибил к прусскому императору Фридриху.

Как маг, он, конечно, ничего собой не представлял, в отличие от своего напарника Ганса Шнайдера. Вот с тем стоило считаться, но он, к счастью, амбициозностью не отличался и не интересовался ничем, кроме своих мертвецов.

На собрании граф скучал, размышляя о способности людей забалтывать любое, даже самое благое дело. Разряженные светские франты и напыщенные вельможи никакого отношения к Делу Вольных Каменщиков не имели. Всю эту публику вообще трудно представить строящими хоть что-то. А нудные рассуждения о борьбе со злом в мире и в самих себе, о восхождении по таинственной лестнице или о цепи, соединяющей мир земли и тления с миром духа, давно набили оскомину.

Правда, последний доклад вызвал некоторое оживление, так как касался извечной для России проблемы дорог. Граф Воронцов говорил о необходимости внести на рассмотрение Сената вопрос о быстрейшем строительстве хороших дорог в северной столице и даже выразил уверенность, что братья примут в этом деле участие, внося определенные суммы. Ведь строительство храма в душе никак не может помешать участию в благоустройстве города. Предложение, конечно, никакого энтузиазма не вызвало, но было поставлено на голосование. Большинство присутствующих поддержали предложение Романа Илларионовича – казаться беднее других никому не хотелось.

Затем заседание закончилось, и Самуил Роза отправился к выходу. Сен-Жермен последовал за ним. На традиционной трапезе хотелось оказаться как можно ближе к Воронцову, и граф переживал, как бы соперник его не опередил. Вряд ли Роза оказался на заседании случайно, скорее всего преследовал некие цели, и они явно не ограничивались попытками переманить как можно больше братьев на свою сторону.

Впрочем, на этот раз граф ошибся. Роза не остался на *agape*, а стремительно прошествовал к выходу. Сен-Жермен задумчиво посмотрел вслед недругу и в обеденный зал зашел одним из последних. К величайшему сожалению, подсесть поближе к Роману Илларионовичу не удалось. Желających занять это место было немало.

Поговорить с хозяином дома наедине граф смог только в самом конце трапезы, когда гости начали разъезжаться. Воронцов несколько раз пытался подойти к Сен-Жермену, но не выходило – Мастера постоянно останавливал кто-то из братьев. Он вежливо отвечал на вопросы, что-то обещал, а сам виновато смотрел в сторону гостя.

Граф понимающе кивал. Он сам был в схожем положении. Только к Воронцову подходили в основном по делу, а на Сен-Жермена любовались, словно на экзотическую зверюшку, и это раздражало, но он все равно улыбался и комментировал разного рода глупости. С ним, казалось, хотели пообщаться все. Кто-то желал узнать свежие новости из Европы, кто-то интересовался, правда ли граф владеет рецептом эликсира бессмертия, кто-то вообще шепотом спрашивал, может ли господин Сен-Жермен избавить от геморроя, словно граф какая-то деревенская знахарка.

Сен-Жермен не был близко знаком с Романом Илларионовичем и не мог сразу перейти к интересующему вопросу. Приходилось начинать издалека, в двадцатый раз за вечер сокрушаться по поводу дождливой питерской погоды и в сотый раз пересказывать, какие кафтаны в моде в этом году во Франции.

Дом Воронцова почти опустел, разъехались даже самые стойкие гости, и хозяин предложил Сен-Жермену пройти в библиотеку и отведать чудесной смородиновой наливки.

Библиотека была так себе. Нет, по стенам высились стеллажи с книгами, точнее, с определенным набором увесистых томиков, кои пристало иметь у себя человеку образованному. Было даже несколько старинных, ценных экземпляров, но Воронцов книг явно не читал. Все это был лишь элемент декорации, иллюзия. Библиотеку не пропитал запах травяных чаев, с верхних полок давно не смахивали пыль, а огонь в камине разжигали лишь для того, чтобы согреться холодным осенним вечером в компании друзей и коньяка. Не использовалась библиотека по назначению, а этого граф не любил. Книги нужны для того, чтобы их читать, вдыхать запах типографской краски, шуршать пожелтевшими от времени страницами и впитывать энергетику кем-то давно написанных слов.

– Мне, право, даже неудобно, граф, – учтиво улыбался Роман Илларионович, разливая в хрустальные рюмки рубиновую наливку. – Такой уважаемый и почетный гость, а я не смог уделить вам должного внимания. Но дела, знаете ли...

– Не беспокойтесь, я не в обиде. Было интересно общаться с братьями, так что я не обделен вниманием. – Пить Сен-Жермен не хотел, но сведения получить было нужно, так что приходилось подчиняться законам русского гостеприимства. – Мне ли не знать, как бывает порой обременительна возложенная миссия.

Сен-Жермен как бы невзначай поправил скрывающуюся в складках жабо медаль с кустом лилий, сраженных мечом. Воронцов бросил взгляд на знак Рыцаря Кадоша и настоятельно спросил:

– А что же привело столь известную персону в Россию? Вы, господин Сен-Жермен, преследуете какую-то политическую цель или просто путешествуете по своей надобности?

– Что вы, Роман Илларионович, ровным счетом никакой политики, – ответил граф, заметив настороженность хозяина. – Хоть на меня и возложили ответственную миссию мстителя за тамплиеров, но, поверьте, я считаю это слишком высокой честью. Какой из меня мститель? Я – ученый и иду по пути знания, а не по пути войны. Знания и только знания могут изменить человечество. И в России я исключительно из желания получше изучить эту совершенно удивительную страну.

Лесть давалась легко. Нужные слова сами слетали с губ, складываясь в предложения, не затрагивая сердце. Не то чтобы Сен-Жермен откровенно врал, скорее, просто говорил то, что приятно слышать собеседнику, а уж насколько сказанное совпадало с собственными убеждениями, сейчас роли не играло.

– Много путешествуя и побывав в разных странах, я могу с уверенностью сказать, что нигде не встречал столь открытых и радушных людей.

Воронцов облегченно вздохнул и заулыбался. Сен-Жермен понимал, что старый вельможа, конечно, знал цену лести, но добрые слова, сказанные иностранцем не о нем самом, а о его стране, не могли не доставить удовольствия.

– Давайте выпьем за будущее России, – продолжил Сен-Жермен, – за тот Храм, основание которого заложил Великий царь Петр и строительство которого продолжает его не менее великая дочь.

Роман Илларионович совсем оттаял и с радостью поддержал тост. Наливка быстро разбежалась по жилам, застучала в висках и развязала язык. Скованность и неловкость первой встречи прошли, и разговор стал более свободным.

– Вот вы, господин Сен-Жермен, много путешествуете, – во взгляде Воронцова светилось любопытство, ранее скрывавшееся за светской учтивостью и чопорностью, – но ходят слухи, что подвластно вам не только пространство, но и время. Слышал я, что вы и в прошлых временах бывали, и с разными известными персонами беседы имели. Или это только досужие сплетни?

– Ну, почему же сплетни? Каждый слух ведь как-то рождается. У вас, русских, есть поговорка, что дыма без огня не бывает. Вы вот, Роман Илларионович, тоже историей инте-

ресуетесь. – Граф кивнул на шкаф с книгами, размышляя, как давно Воронцов туда заглядывал. – Только вы изучаете прошлое в теории, а мои способности позволяют познавать его на практике.

– Да... Интересные вещи вы, однако, говорите. Стало быть, и в прошлое можно заглянуть?

– Для магии нет ничего невозможного.

– Магия? Это область для меня непонятная, – задумчиво протянул уже захмелевший Воронцов, затем оживился и задал уже традиционный сегодня вопрос: – Что же, вы и тайну эликсира бессмертия знаете?

– Хочу вас разочаровать, – поморщился с досадой Сен-Жермен, – эликсира бессмертия нет, и создать его невозможно. Ибо все, что рождено, должно рано или поздно умереть. Таков закон... Но вот продлить жизнь можно, в том числе путем лечения болезней.

Граф Воронцов уже было открыл рот, чтобы задать еще какой-то важный вопрос, но дверь внезапно отворилась, и в комнату порывисто вошел юноша. Заметив гостя, он смутился и вопросительно посмотрел на Воронцова.

– Батюшка, прошу простить меня, я не знал, что у вас гость. – Юноша взглянул на Сен-Жермена и поклонился.

– Вот, господин Сен-Жермен, хочу представить вам сына Александра, наследника моего, так сказать. А это, Саша, наш гость, граф Сен-Жермен. Личность весьма в Европе известная.

– Честь имею. Рад познакомиться с вами, юноша. – Сен-Жермен встал и любезно поклонился, скользнув вежливо-безразличным взглядом по лицу сына Воронцова. Обычный мальчишка, даже младше новоприобретенного ученика, только уставший какой-то да чем-то напуганный.

Услышав имя гостя, юноша удивленно распахнул глаза и даже приоткрыл рот, показавшись еще младше.

– Тот самый Сен-Жермен? Известный маг и кудесник?! – Александр восторженно шагнул к графу и явно вознамерился засыпать того вопросами, но натолкнулся на сердитый взгляд отца, смутился и, попрощавшись, покинул кабинет.

– Какой у вас прекрасный сын, – проговорил граф, добавив в голос восторженности. – Сразу чувствуется порода.

– Ах, оставьте, господин Сен-Жермен, – махнул рукой Воронцов. – Обыкновенный лоботряс, да еще и за юбками начал бегать. В шестнадцать-то лет! Ну, бог даст, еще остепенится, мы в его возрасте тоже не святыми были.

– Нет-нет, я чувствую в нем силу и способности к великим делам. – Сен-Жермен замер, прислушиваясь к чему-то, кивнул головой и решительно добавил: – Да, именно, к великим делам, достойным ваших славных предков.

Воронцов смотрел на графа со странной смесью сомнения и надежды.

– Кстати, о предках, – Сен-Жермен оживился, словно только что вспомнил давно забытый факт, – ведь ваш же предок был викингом и прибыл на Русь аж в XI веке?

– Да вы прекрасно осведомлены об истории моего рода, ваше сиятельство! – воскликнул Воронцов.

– Ну, история – область для меня известная. К сожалению, документов той далекой эпохи не осталось, а то можно было бы книгу написать о столь древнем и славном роде. То ли дело в Европе, там каждый, даже далеко не столь древний род свой архив хранит, специально хроники историкам и писателям заказывает. А здесь... – Сен-Жермен сокрушенно покачал головой, сетуя на небрежное отношение русских к историческим документам.

– Ну, кое-что все-таки сохранилось. – Воронцову явно не хотелось ударить в грязь лицом перед ученым гостем, да и наливка подбивала на хвастовство.

– Правда? – искренне оживился граф. – Как интересно! И что же это? Записки? Письма? Архив?

Слово «архив» как-то сразу протрезвило Романа Илларионовича. Его взгляд стал подозрительным и колючим.

– Дался вам всем этот архив! Да какой архив может быть у неграмотного наемника? Нет никакого архива, так, картинка какая-то. И для чего вам это все нужно?

– Картинка... – протянул граф, задумываясь, но перехватил настороженный и совершенно трезвый взгляд Воронцова, рассмеялся и махнул рукой – Да бог с ним, дорогой Роман Илларионович, это всего лишь праздное любопытство! А вот хочу я вам рассказать историю, произошедшую с французским королем Людовиком XIII, коей я сам был свидетелем...

Глава 5

За окном постепенно угасал день, солнце медленно катилось к закату, ныряя в низкие дождевые тучи, наползавшие на город. Надо бы обдумать все странности, которые произошли, но совершенно не хотелось. В голове было пусто, а на душе тоскливо и муторно. Алексей просто стоял у окна, словно находился в прострации. Мир казался ненастоящим, а все происходящее очередным бредовым сном. Волки, маги, восемнадцатый век... Все это было настолько непонятно, что не воспринималось как реальность.

Лучше всего было бы просто лечь спать, ведь пока спишь, ни о чем не думаешь, а с утра ситуация покажется не такой поганой. Но, несмотря на головную боль и усталость, спать не хотелось, а может быть, молодой человек даже самому себе не хотел признаваться, что просто боится ложиться в кровать. Вместе с просачивающимися сквозь окна сумерками проснулись прежние страхи. Алексею казалось, что стоит ему только закрыть глаза, как кошмары вернутся. Вспоминая свой «волчий» сон, молодой человек в который раз поражался его странной реалистичности, будто и не сон это, а события, произошедшие наяву. Сейчас, размышляя над своим видением, он ощущал, что злобные твари из сна – вовсе не порождения болезненного бреда. Они не исчезли с наступлением дня как обычные образы сновидений, а просто затаились где-то глубоко-глубоко внутри и только ждут удобного момента, чтобы выползти из глубин сознания. И тогда молодой человек снова останется один на один с их сверкающими злобой глазами и жуткими, окровавленными мордами.

Было страшно. Ужас переворачивал внутренности, холодной когтистой лапой впиался в грудь, заставляя сердце судорожно дергаться. Проще всего считать все эти видения бредом, порождением сознания, потрясенного временным переносом. Но Алексею не давал покоя шрам. Парень рывком дернул рукав и с неприязнью уставился на полукруглый отпечаток зубов на запястье. Загнанная подальше тревога снова закопошилась, заскребла коготками, стало жутко. Вдруг что-то неуловимо изменилось вокруг него, как будто мир вздрогнул и ухнул куда-то вниз. Сердце на миг замерло, как при прыжке в воду с высокого обрыва, и застучало часто-часто. На лбу выступили капельки пота, и тонкая холодная струйка сбегала по позвоночнику. Все это длилось лишь мгновение, и Алексей, вытирая пот, в недоумении огляделся. В комнате все было по-прежнему, разве что стало темнее – на смену серым сумеркам пришла бархатная ночь. Ветер разорвал полотно туч, и в просвете выглянула луна, почти круглая, желтая, похожая на волчий глаз, только без зрачка. Парень передернул плечами, подумав, что ему везде мерещатся волки.

В сознании всплыл образ из того первого странного сна еще в родном мире. Такие же желтые волчьи глаза были у лохматого парня, что выпрашивал у Алексея амулет-клык. Ведь именно с этой столь опрометчиво подобранной находки начались все странности. Молодой человек горестно вздохнул, от попыток разобраться во всей этой чертовщине еще сильнее разболелась голова. Возникло неприятное ощущение, будто что-то тяжелое давило на затылок. Такое бывает, когда кто-то недобрый смотрит тебе в спину. Впечатление было настолько сильным, что Алексей вздрогнул и оглянулся. В углу за шкафом клубился сгусток тьмы, из него, по-собачьи встряхнувшись, вышел большой серый кот. «Этот здесь откуда? – удивленно подумал парень, – хорошо хоть, не волк». Котyra сверкнул желтыми глазами, оскалится, и послышалось знакомое хихиканье. Молодой человек зажмурился и встряхнул головой, когда он открыл глаза, кота не было. «Опять какой-то бред!» – мелькнула паническая мысль, и Алексей, спешно передвинув кресло к стене, забрался на него с ногами, в страхе вглядываясь в темноту. Вспомнив о шнурке над кроватью, он быстро вскочил и позвонил, вызывая слугу.

Через минуту явился сонный Семен со свечой.

– Ты чего это, барин? – спросил дядька, зевая. – Али не спится?

– Не спится, – буркнул Алексей. Ему очень хотелось попросить Семена остаться, но было стыдно своих страхов. – Темно тут. Зажег бы ты свечи, дядя Семен.

– Спать бы ты, барин, ложился. Неча по ночам попусту огонь-то жечь, – ворчал Семен, снимая подсвечник с полки над печью и разжигая свечи.

– Не жадничай. Не обеднеет твой граф, – сердито проговорил Алексей. Собственный страх раздражал, внутри скручивалась какая-то тугая пружина и клубилась непонятная ярость. От желания хоть на ком-то ее сорвать сводило челюсти.

Семен обиженно засопел, покачал головой и ушел. А молодой человек, ежась от неприятного озноба, перебрался в кресло поближе к свету. Зажженные свечи не сделали комнату уютнее. Темнота никуда не делась, она просто с ворчанием расплзлась по углам и затаилась там, ожидая только удобного случая, чтобы выпустить свои щупальца, схватить, утянуть в омут кошмаров. Тени на стенах дрожали и корчились, вызывая в памяти видения из снов. Тупая боль в затылке и спине стала почти невыносимой, голова кружилась, и невероятно хотелось спать. Не в силах бороться со сном, Алексей прикрыл глаза, стараясь поудобнее устроиться в кресле. Реальность растаяла в зыбком мареве сна, и молодой человек снова увидел волка. Того самого, что вцепился в его руку. Только теперь в его глазах не было лютой злобы. Зверь, казалось, смотрел вполне дружелюбно, а его пасть растянулась в клыкастой ухмылке. Волк крутился вокруг, переступая лапами и тыкаясь мокрым носом в колени, словно звал куда-то. Его горящие желтым светом глаза завораживали, становились все ближе и ближе, Алексея, как в водоворот, затягивало в их огненную бездну. Снова накатила злость: на себя за свои страхи, на непонятного графа с его сумасшедшими экспериментами и бредовыми идеями, на Семена, вечно нудевшего и опекающего, на весь свет. Молодой человек купался в этой яростной злобе, которая сметала все чувства, стирала остатки разума. И волчий вой, наполнивший окружающую тьму, был чарующей песней.

Казалось, это состояние продолжалось бесконечно, но внезапно сквозь вспышки ярости пробился голос, который звал его, о чем-то просил, умолял. Злобное рычание, вырвавшееся из горла Алексея, разорвало морок. Парень с удивлением обнаружил себя стоящим на четвереньках возле распахнутого окна. С него градом катил пот, сильно ломило спину, но голова была ясная. Семен в одних подштанниках и нательной рубашке дрожащими руками пытался его поднять, причитая что-то совсем бессвязное. Увидев, что барин наконец-то пришел в себя, он облегченно вздохнул.

– Ну и напугал же ты меня, Лексей Дмитрич! Что с тобой приключилось-то? – проговорил дядька, помогая Алексею подняться и бережно, под локоточки, отводя к кровати.

Молодой человек со стоном присел на стеганое покрывало и очумело замотал головой:

– Да сам не знаю... Чертовщина какая-то со мной творится, ничего не помню... Только вот волк опять привиделся.

– Волк?! – Семен охнул и всплеснул руками. – Я ж и прибежал-то, потому что волчий вой услышал, да такой заунывный, словно жалобился на что-то или звал. Нешто и впрямь какой чудной зверь прибежал? Вон и окно растворено... Только как же он на второй-то этаж заскочил, поди, не кошка? Странные вещи с тобой, барин, творятся, недобрые.

– Странные... да.

От усталости язык еле ворочался, все тело ломило, как после тяжелой работы, глаза слипались. Молодой человек свернулся клубочком на постели и пробормотал:

– Ты только не уходи никуда, пожалуйста, дядя Семен.

Старый солдат вздохнул и устроился в кресле, пододвинув его ближе к кровати. Алексей какое-то время пытался заснуть, но стоило ему закрыть глаза, как снова мерещились волки. Наконец он не выдержал и, чтобы хоть как-то отвлечься, спросил:

– Дядя Семен, а ты в вещие сны веришь?

– А? Чего? – встрепнулся, видимо, уже задремавший солдат. – Ты это про что, барин?
– Вот скажи, тебе вещие сны когда-нибудь снились?

– Сны-то?.. – Семен зевнул, подумал и хмыкнул. – Дык, как же, было дело... Вот я сейчас тебе расскажу.

Лет пятнадцать назад это было, может, и поменьше. Мы, стало быть, тогда в Польше воевали, ихнего короля Августа на трон сажали. Помню, нами тогда фельдмаршал Миних командовал. Дельный был генерал, даром что из немцев, а пользу России понимал. Стояли мы в ту пору под Данцигом, долго там топтались, грязь перемешивали, что глиномесы на кирпичном заводе. Да еще французишки набежали своего прихлебателя Станислава защищать. Корабли подогнали да на нас и поперли. Ну, ништо, отмахались с божьей помощью. Но я не о том сейчас...

Как-то после очередной баталии умаялись к ночи и свалились, кто где был. Сон, стало быть, сморил. Вот и снится мне, как бы я в дозоре, хожу, охраняю обоз наш. *Фузея* при мне, конечно, и *багинет* прилажен. Все как полагается. Слышу только, шуршит кто-то за ящиками. Я остороженько туда шасть, гляжу, а там тогдашний польский король Станислав, ну, супротивник нашего-то Августа. Как я его узнал, не ведаю, ведь и не видал ни разу, только сразу понял – он. В каком-то тряпье да в лаптях дорогушее французское вино из ящиков тырит. Ну, я на него сзади и скакнул, спымал, одним словом. Приволок я эту персону в штаб, а там сам фельдмаршал меня сердечно благодарил, наградил серебряным рублем и на вольные хлеба отправил. Во как! – со значением закончил Семен.

– Ну а с чего ты взял, что тот сон вещий? – спросил Алексей, чувствуя, как спадает напряжение и тяжелеют веки.

– Дык как это с чего? – Дядька хихикнул. – Поутру я проснулся, стало быть, чу, в котомке у меня шуршит чегой-то. Глянул я, а там мышь. Здоровая такая! До моих сухарей, мерзавка, добирается. Ну, я ее и словил. А ты говоришь – «не вещий». Что Станислав этот, что мышь полевая – одно ворье-то.

Алексей, заслушавшись старого солдата, забыл про свои страхи и совершенно успокоился.

– А ты – вещие сны. Вот они каки, твои вещие сны. Спи уж давай, а то, вон, светать скоро начнет.

Алексей, устроившись поудобнее, почувствовал, как погружается в теплое и уютное море сна.

– Семен, а Семен! А мышь-то прибил?

– Почему прибил? – Семен даже засопел возмущенно. – Отпустил я ее, пусть себе бегаёт. Тоже ведь божья тварь, ей жрать, как и нам с тобой, охота.

– Ага... – пробормотал Алексей и заснул, на этот раз без всяких видений.

Когда Алексей проснулся, Семен уже ушел. Молодой человек даже обрадовался – не надо отвечать на вопросы о том, что происходит. Он и сам ничего не понимал.

Алексей начинал ненавидеть волков, они преследовали его буквально везде, не давали прохода и не позволяли думать о чем-либо другом. А подумать было о чем. Мысли в голове кружились, жужжали, не хуже роя пчел. Дикая, бессмысленная ситуация – молодой человек до сих пор не верил в то, что попал в восемнадцатый век, скорее уж сошел с ума или оказался на съемках какого-то нового реалити-шоу. Мысль о реалити-шоу Алексею понравилась, и он решил остановиться на ней. Реальность была непонятна и пугала, проще предположить, что она всего лишь игра. «И это легко проверить! Вряд ли ресурсов реалити-шоу хватит для реорганизации всего города! Скорее всего, под восемнадцатый век стилизован этот дом и улицы, прилегающие к нему, чтобы нельзя было распознать обман из окна, – неожиданная мысль взбудрила Алексея. – Чтобы развеять наваждение, нужно всего лишь выйти за пре-

дела особняка и прогуляться на пару кварталов в сторону». Смущали лишь неработающий мобильник и полное отсутствие проводов электропередачи, такие мелкие детали предусмотреть очень сложно, но ведь можно же?

Окрыленный новой идеей, молодой человек несколько раз вздохнул, отогнал от себя неприятные воспоминания и постарался отрешиться от оскаленной волчьей морды, постоянно стоящей перед глазами. Через какое-то время это получилось, и он, пока снова не одолела тоска, решил прогуляться за пределы «клетки».

«Головная боль с утра, похоже, становится традицией», – подумал Алексей, надевая на себя непривычную и изрядно помявшуюся одежду. Солнце было уже высоко – парень не изменил себе и проснулся поздно. Здесь его никто не будил. У жизни «в восемнадцатом веке» несомненно есть свои преимущества. Правда, интуиция подсказывала, что где-то здесь кроется подвох. Когда все безоблачно и гладко – это, как правило, затишье перед бурей. И хорошо, если подвох заключается в том, что Алексей попал в глупое реалити-шоу, а если нет? Если это, и правда, прошлое? Последняя мысль парню категорически не понравилась, и он решительным шагом вышел в коридор и спустился вниз по лестнице в холл, к парадной двери.

Планы пришлось изменить, на улицу выйти не удалось. У графа были гости, точнее, гость. Молодой парень лет семнадцати мотался по холлу из стороны в сторону и, судя по всему, сильно нервничал. Он теребил в руках перчатки, несколько раз пытался присесть на диван, но вскакивал и снова начинал слоняться от стены к стене. Он даже Алексея заметил не сразу.

– А где граф? – вскинул голову молодой человек и тут же смутился, опустил глаза и представился: – Прошу прощения за мое поведение, я несколько взволнован. Александр Романович Воронцов. С кем имею честь?..

– Ле... – привычно начал Алексей, но тут же поправился: – Алексей Дмитриевич Артемьев – ученик графа, – зачем ляпнул про ученика, парень сам не понимал, но почему-то вдруг захотелось быть значимее, чем есть самом деле. Впрочем, о своих словах он скоро пожалел, так как гость восторженно воскликнул:

– Как интересно, наверное, быть учеником прославленного мага!

У Воронцова даже глаза заблестели, и он подался вперед. Подобное выражение лица у собеседника обычно говорило о том, что сейчас будет шквал вопросов. Алексей это слишком хорошо знал. Педагогическая практика в детском лагере еще и не тому научит.

– Мага? – отступил на шаг парень, соображая, как бы помягче ответить и в то же время не спровоцировать волну вопросов.

– Ну а как же? – Гость оказался не только любопытным, но и очень общительным. Впрочем, послушать было интересно. Особенно про графа. Алексей только сам не любил на вопросы отвечать, а слушать – всегда пожалуйста. – У нас, конечно, не Европа, где господин Сен-Жермен – весьма известная персона. Но и в России о талантах их сиятельства наслышан каждый образованный человек. Скажите, Алексей Дмитрич, правда ли, что господину графу подвластны тайны тибетских мудрецов и он может творить чудеса?

– Чудеса? – Так, вопросы все же начались, причем такие, на которые сразу и не ответишь. – Ну... не знаю, что ты... вы, – поправился Алексей, – понимаете под чудесами...

– Рассказывают, будто он живет больше двух тысяч лет и может путешествовать во времени. А еще говорят, будто граф способен излечить любую болезнь, продлевать жизнь и изгонять злых духов...

– Какая-то странная каша у вас в голове. – Алексей посмотрел на собеседника с недоумением. Вроде бы вполне серьезно говорит, а несет чушь. Или это тоже часть какой-то непонятной игры? – Лечение болезней никакого отношения к магии не имеет. А изгнание

духов... это уж скорее к священнику... Да я вообще-то совсем недавно учеником стал и знаю немного.

Но Воронцов не обратил внимания на последние слова и продолжал изливать восторги:

– А вот еще рассказывают, что господин Сен-Жермен из любого булыжника может алмаз сделать. Вам доводилось наблюдать этот удивительный процесс?

– Алмаз из булыжника?! – рассмеялся Алексей. – Вот это здорово! Не зря я в ученики пошел... Так, значит, ты... э... вы, Александр Романович, за этим к графу пожаловали?!

– Ой, что вы, нет, конечно! – Юноша даже руками замахал. – Нет-нет, вы меня неправильно поняли... У меня очень деликатное дело. – Александр замялся, покраснел, а затем, видимо решившись, выпалил: – Ко мне суккуб приходит!

– Кто?! – вытаращил глаза Алексей. – Это что еще за бред?

– Вот, вы не верите! – обиженно воскликнул Александр и сразу стал похож на маленького ребенка, которому не купили обещанную игрушку. – Я говорю правду. Примерно неделю назад или чуть раньше – дни перепутались у меня в голове – вечером меня посетила девушка.

– Это как – посетила?

– Понимаете, я живу один во флигеле, пока идет ремонт в моих комнатах. И вот как-то поздно вечером, а может, уже ночью, я услышал стук в окно. Стучалась очаровательная девушка. Так как на улице было ветрено и дождливо, то я не мог не впустить ее...

– Так... – заинтересовался Алексей. – Вы ее пустили в окно и...

– Нет, она стучалась в окно, а пустил я ее в дверь...

– И...

– И... – совсем засмущался гость. – Сначала все шло хорошо. Гостя была мила, ветрена и... самое главное, доступна. Но... – Тут Воронцов совсем притих, дальнейшие объяснения давались ему с трудом, и Алексей старался даже не дышать, боясь спугнуть собеседника. – После ночи с ней я слабею. День за днем. Она словно выпивает из меня все силы, я хочу отказаться... но не могу.

– Наркотик, – хмыкнул Алексей, не принимая собеседника всерьез.

– Что?

– Опиум.

– Да-да, сначала дурманит, а потом приходит расплата. Мне кажется, это суккуб.

– Кто? – нахмурил брови Алексей и посмотрел на гостя с опасением.

– Суккуб, я о них читал. – Глаза гостя возбужденно заблестели, он оживился и не заметил настороженности собеседника. – Это нежить, которая имеет вид прекрасной девы и сущность злобного вампира. Я знаю, если свидания не прекратятся, я умру, но отказаться... отказаться я не могу. Сегодня она придет опять... Господин Сен-Жермен – моя последняя надежда. Если он мне не поможет, то я пропал.

Алексей уже набрал в грудь воздуха, придумывая, как бы потактичнее объяснить отроку в белых гольфиках, что девушки, они, конечно, коварны и крови попить могут немало, но не в прямом смысле. Тут было три варианта: либо парень не дружит с головой, либо дружит... с опиумом или еще какой настойкой из мухоморов. Отсюда и бледность, и замученность, и глюки. Третий, самый приятный, – все то же реалисти-шоу. Но... верил Алексей в него почему-то все меньше. Не хотелось признавать, но так натурально сыграть роль было невозможно. Или все же возможно? Сказать парень ничего не успел, так как в холл спустился сам граф.

– В незавидную вы ситуацию попали, да, господин Воронцов? – Видимо, Сен-Жермен остановился на верху лестницы и слышал весь разговор.

– Вы мне поможете? – В голосе гостя звучала такая наивная надежда вперемешку с восторгом, что Алексею стало неудобно.

– А нужно? – Граф был в своем репертуаре. Голос тихий и неизменно язвительный. – Я весьма занят, а потом, что, позвольте спросить, вы можете предложить мне взамен?

– Я заплачу! Сколько хотите, заплачу!

– Деньги?! – Граф уже смеялся в голос. Алексею очень хотелось прервать этот издевательский смех, но он сдерживался. В чужой монастырь не лезут со своими правилами. – Деньги мне не нужны, у меня этого добра хватает. Впрочем... – Граф на минуту задумался... – Если вам действительно необходима помощь, я могу предложить вам, любезный, такой обмен: я уничтожаю беспокоящую вас нежить, а вы достаете мне одну очень старую и почти никому не нужную бумагу из архива вашего отца. Слышали об архиве викинга?

– Нет-нет. – Александр даже попятился. – Только не у батюшки, я не хочу, чтобы он знал, а пропажу из архива он заметит. Я, конечно, знаю про этот документ, но воровать – недостойное дворянина дело. По-другому ничего взять не получится. Да и зачем вам! Там же нет ничего стоящего.

– Как вы... – возмущенно подался вперед Алексей, намереваясь защитить несчастного мальчишку от шарлатана-графа, но Сен-Жермен бросил такой взгляд, что стушевавшийся парень послушно опустил глаза, продолжая только злобно сопеть носом, а граф продолжил:

– Не вам судить о ценности архива, и мне все равно, как вы достанете бумаги, но я не настаиваю. Можете и дальше развлекаться со своей гостьей. Здоровый секс полезен в юном возрасте. Правда, это будет последнее ваше любовное приключение. Суккуб выпьет силы, и вы умрете. Впрочем, вы же умный молодой человек, у вас хватило талантов найти себе в спутницы нежить, неужели вы не придумаете, как обхитрить отца? Мне нужна не бумага, а информация, на ней хранящаяся. Смекаете?

– То есть вам подойдет и копия? – осторожно спросил Александр, и в его взгляде появилась надежда.

– Да или оригинал на то время, что потребуется для снятия с него копии. Такой вариант вас устраивает?

– Нет, но, по крайней мере, это я смогу постараться осуществить без последствий.

– Вот и замечательно, значит, до встречи вечером.

Воронцов раскланялся и убежал почти довольный, наскоро объяснив графу, где именно будет его ждать, а Алексей, исчерпав терпение, приготовился высказать графу все наболевшее.

– Почему вы так осуждающе на меня смотрите? – недовольно бросил Сен-Жермен, все же обратив внимание на парня. – Вы чем-то недовольны? Зачем вмешиваетесь в разговор, неужели считаете, что я не смогу уладить этот вопрос без ваших советов и наставлений?

– Не ожидал я от вас такой подлости, – бросил Алексей и повернулся спиной, чтобы уйти. Но граф его окликнул, и пришлось обернуться на ядовитую реплику.

– И какой недостойный поступок я совершил?

– Молодой человек болен. Или под действием наркотиков... а вы! Вместо того, чтобы наставить на путь истинный, помочь, пользуетесь его болезненным состоянием в своих корыстных целях. Не дело это. Парню нужен психиатр... – Алексей запнулся на этом слове, предполагая, что сейчас придется объяснять, но Сен-Жермен не выказал удивления. – И лошадиная доза снотворного, тогда никаких упырей мерещиться не будет.

– Я понимаю, господин Артемьев, ваше настроение и поэтому не обижаюсь. Сам привык доверять лишь увиденному... Но не спешите с выводами и не наговорите лишнего, того, о чем впоследствии можете пожалеть. Мир сложнее, чем вы думаете, одно ваше присутствие здесь говорит в пользу этого. А я приглашаю вас вечером составить мне компанию и посмотреть, на кого похожа любовница Воронцова-младшего. А до этого момента не делайте поспешных выводов.

Предложение графа казалось нелепым, но отвергнуть его Леха не мог. Это значило бы – признание собственной неправоты. А в своей правоте молодой человек был уверен. А потом, вот она, возможность посмотреть город. Если граф отведет его в соседний дом, не позволив выйти за пределы «локаций», значит, версия по поводу реалити-шоу верна. Если же прогулка по городу будет обстоятельной и длинной... об этом варианте развития событий Алексей старался не думать.

– Молчите? – ухмыльнулся Сен-Жермен. – Значит, на том и порешим. А до вечера давайте забудем этот инцидент и заключим мир. Вы не обвиняете меня во всевозможных грехах, я не обижаюсь на вас за дерзость и недалёковидность.

– Я бы с удовольствием составил вам компанию, – осторожно начал Алексей, решив подыгрывать, – но меня смущает одна вещь...

– И какая же? – Сен-Жермен приподнял бровь и нетерпеливо покосился в сторону лестницы. Алексею даже неудобно стало, что он графа задерживает, но, к сожалению, вопрос, волновавший молодого человека был действительно серьёзным.

– Я ведь попал в прошлое. Да? – уточнил парень, все еще надеясь на отрицательный ответ, но граф кивнул, соглашаясь, и пришлось заканчивать свою мысль: – А вдруг я неосторожным движением все разрушу?

– Все? «Все» – понятие растяжимое.

– Свой мир, мое будущее. Не получится ли невольно повлиять на какие-то события, изменить свое будущее до такой степени, что возвращаться будет просто некуда?

– А вы не безнадежны, – усмехнулся граф. – Но поспешу вас успокоить: история не так хрупка, как вам кажется. Законы мироздания себя оберегают. Чтобы изменить ход истории, мало одного неосторожного жеста, и даже желания мало, для этого нужна великая сила. А так, сама судьба не даст вам совершить нечто непоправимое. Мы еще, возможно, поговорим об этом чуть позже, а пока пойдемте лучше в малую гостиную – Семен уже накрывает на стол.

Гостиная оказалась действительно небольшой и очень уютной. Солнечные блики танцевали на фарфоровом сервизе в резной горке, скакали по спинкам мягких диванов и каменной столешнице курительного столика. В комнате были большие окна и много света. Светлые воздушные занавески и зеркала зрительно расширяли помещение и создавали впечатление легкости и свежести.

Слуги расстелили скатерть, такую белую, что стол казался занесенным свежавыпавшим снегом, расставили приборы и несколько расписных блюд, закрытых крышками. Семен, махнув слугам рукой, начал сам раскладывать кушанья по тарелкам. У Алексея даже слюнки потекли, и он подумал, что здесь недолго и растолстеть. На его «спасибо» Семен удивленно поднял брови, поклонился и отступил к двери, замерев с перекинутым через руку полотенцем.

– Ну, что новенького в нашей столице? – обратился Сен-Жермен к старому слуге. – Ты, я знаю, любишь всякие сплетни собирать.

– Дык много всякого-разного случилось, с чего начать-то – и не знаю... – задумчиво протянул Семен. – Вот дворец графу Разумовскому все строят. Правда, уж думаю, недолго осталось. Из самой Италии какого-то именитого мастера Растрельева пригласили.

– Растрелли, – поправил дядьку граф.

– Дык, я и говорю, Растрельева.

Сен-Жермен хмыкнул и махнул рукой – продолжай, мол. Семен обстоятельно рассказывал, что в трапезной Троицкой церкви завелась кикимора. Она стучала, разбрасывала свечи и задувала лампы. Этим утром ее видел дьякон Федосеев и даже гонялся за ней с кадиллом, но не поймал. Это и неудивительно, так как дьякон, как всегда, был с похмелья. А на

берегу Кронверкского пролива видели призрак утопленника, который выл, плевался, ругался матерно и пугал поздних прохожих.

– Призраки не ругаются матом, – буркнул Сен-Жермен, обгладывая куриное крылышко.

– Ну, уж не знаю. Этот, стало быть, ругался. – Семен долил вина в бокалы, потом замялся и мрачно сообщил: – А прошлой ночью опять Дикая Охота гуляла. Давненько ее в наших краях не видели.

– Вот вечно ты всякие бабские сплетни пересказываешь! – рассердился почему-то граф. – Нет бы о чем путном рассказал. Твоими новостями только младенцев пугать.

– Вовсе это не бабские сплетни! – возмутился старый солдат. – Нечего поклеп на меня возводить. А Дикую Охоту нынче я сам видел, своими глазами. И всадников мертвых, черепами скалящихся, и зверей ихних, то ли собак, то ли волков. Были так, аж мороз по коже.

Алексей замер с куском во рту, позабыв его прожевать. Он тоже видел этих всадников. Только это был сон. Или не сон? А старый солдат продолжал:

– Сказывают, что попа католического, с посланником папы римского приехавшего, до смерти загнали. Звери его так истерзали, что только по рысе и опознали.

Алексею стало жутко – Семен пересказывал его бредовое видение. Воспоминания о своем участии в этой охоте вызвали у него приступ тошноты, и он с трудом проглотил комок, застрявший в горле.

– Да, верно, дурной был человечешко, чернокнижник. Да и ядами, говорят, приторговывал. У нас такого отродясь не было. Где это видано, чтобы людей православных всякой дрянью травить. В морду дать – это нормально, это по-нашему. А чтобы ядами...

– Ну, довольно! Надоели уж враки эти! Вон, гость наш аж позеленел от твоих новостей. – Граф зло скомкал в руке салфетку.

– Воля ваша, господин граф, а я не вру! – Семен упрямо вздернул подбородок. – Видел я этих всадников, вот как вас сейчас, видел! Почти вровень с нашими окнами прошли. А нынче, вон, и барин волков слышал. Чуть ли не в доме зверь выл. Ну, этот-то, я думаю, сам по себе, чай, из-за Фонтанки забежал.

– А что это за Дикая Охота такая? – спросил молодой человек, стараясь побороть тошноту. И простое любопытство здесь было ни при чем. Уж очень странно и страшно совпали рассказ солдата и сон Алексея.

– А это ты вон у него спроси, он горазд сказки рассказывать, – кивнул Сен-Жермен на слугу, – а меня уволь! Наслушался уже!

Граф раздраженно встал, швырнул скомканную салфетку в тарелку и, резко развернувшись, вышел из комнаты.

Алексей удивленно посмотрел на хлопнувшую за графом дверь и спросил у Семена, хмуро собиравшего со стола тарелки на большой поднос:

– Так что там с Дикой Охотой?

– А тебе это зачем, барин?

– Ну, интересно просто. Я про нее слышал, но что – не помню. Да ты присядь, дядя Семен, хватит уж суетиться.

– Нам при господах сидеть не пристало, – пробурчал старый солдат, продолжая возиться с посудой.

– Что ты все заладил: барин да господин! – возмутился Алексей. – Какой я тебе господин?! Студент я, или студизус, по-вашему. А у студентов, знаешь ли, ни господ, ни слуг не бывает.

Семен потоптался немного, оглянулся на дверь и примостился на краешке стула.

– Ну, что тебе рассказать-то? Слухи да легенды, стало быть, всякие есть. Кто говорит, будто это рыцари, проклятые за душегубства, и во главе их сам Дьявол скачет. А другие,

напротив, говорят, что это боги старые, еще варяжские, бесы по-нашему. А впереди всех сам главный бог Один на коне восьминогом. И сопровождают их то ли собаки большущие, то ли волки, а может, и те и другие. Я думаю, второе-то вернее будет. При Одине-то свита, как полагается, – воины мертвые, другие боги, попроще. А стаю зверей сам *Локи* ведет в облике большущего черного волка.

Появляется Дикая Охота в штормовые, дождливые ночи. Носятся кони с призраками по облакам да души заблудшие собирают. Когда, бывает, и на землю спускаются, тут и живого человека могут загнать-задрать. Только добрым людям, в Бога верующим, их опасаться нечего. А вот если колдун какой черный, через свое черное колдовство людям вред творящий, то его, стало быть, охотники могут и порешить. Как вот нечче-то и случилось.

Алексей на минуту задумался, пытаясь переварить полученную информацию и соображая, какое отношение все это имеет к нему, а потом спросил:

– А граф-то из-за чего рассердился?

– А это ты, барин, у их сиятельства сам и спроси, – проворчал Семен и, забрав поднос, молча вышел из гостиной.

Оставшийся один Алексей немного посидел, размышляя, чем бы себя занять, и вспомнил, что хотел выйти на улицу. Зачем ждать до вечера, если уже сейчас можно узнать что-то интересное о городе за пределами дома.

Приняв решение, молодой человек повеселел и чуть ли не вприпрыжку направился к выходу. Но у двери его ждал сюрприз. Прислонившись к косяку и ковыряя в зубах щепкой, стоял здоровенный мужик совершенно разбойничьего вида, в широченных желтых штанах, жилетке на голое тело и с громадной серьгой в ухе. Густая черная борода, единственный глаз, сверкавший из-под надвинутой на лоб треуголки, и внушительных размеров сабля без ножен, торчащая за поясом, вызвали желание держаться подальше от столь неприятного типа.

Алексей замялся, но потом решительно направился к выходу – мало ли зачем здесь стоит мужик, может, ему просто захотелось или дом охраняет от непрошенных гостей. Одноглазый тип издал невнятное рычание и перегородил дверь, положив руку на рукоять сабли.

– Эй, ты чего? – оторопел молодой человек. – Дай пройти!

– Гы! – выдал мужик и мотнул головой.

Алексей почувствовал страх, который быстро перешел в злость, захотелось немедленно вцепиться наглому типу в горло, причем не руками, а зубами. Такое желание вызвало недоумение: он же никогда не был агрессивным и все проблемы предпочитал решать мирно, тем более если противник заведомо сильнее, да еще и вооружен. Удивленный своим порывом, молодой человек попятился и повернул назад, опасаясь ввязаться в ненужную и чреватую неприятными последствиями драку.

Но злость никуда не делась, очень хотелось хоть на ком-то выместить свое раздражение, и Алексей направился на поиски графа, чтобы выяснить, по какому праву Сен-Жермен удерживает его насильно. Алексей не сомневался – одноглазый выполняет приказ хозяина.

Подвернувшийся слуга, испуганно косясь на Алексея, сказал, что господин граф, вероятно, у себя в кабинете, но их сиятельство бывает крайне недоволен, если его беспокоят.

– Я тоже недоволен, – буркнул молодой человек и направился в указанном направлении.

Правда, пока он дошел до кабинета графа, злость куда-то испарилась, а на смену ей пришла неуверенность. Алексей уже сомневался, нужно ли высказывать графу свое возмущение – Сен-Жермен прямо заявил, что любые «истерики» и давление на него ни к чему хорошему не приведут.

Алексей потоптался у двери, раздумывая, стоит ли нарываться на неприятности, а затем вспомнил о том, что граф сам вчера обещал проверить магические способности. Вот

пусть и проверяет. А между делом можно поинтересоваться, почему это «гостю» запрещено выходить из дома. Еще молодому человеку никак не давала покоя Дикая Охота. Что это – быль или сплетни? Если быль, как такое вообще возможно? Если сплетни, то почему он тоже видел всадников и даже вроде как участвовал в погоне и расправе над католическим священником, о котором упоминал Семен. Что делают в Питере забытые скандинавские боги? Куда делись исконно русские? Почему нет их и как ко всему этому относится христианский бог? В России же православие?

Назойливые мысли не дали повернуть от двери и уйти к себе в комнату, Алексей не привык мучиться таким количеством неразрешенных вопросов. Он никогда не считал себя верующим, и необходимость копаться в теологических подробностях угнетала. Но интересно же! Если допустить, что существуют скандинавские боги, то, значит, есть и остальные. Интересно, как они относятся к тому, что на их территории хозяйничают чужаки?

Алексей был уверен – граф знает ответы на эти вопросы. Молодой человек вспомнил слова Семена о том, что его господин некогда беседовал с самим Христом. Невероятно, но вдруг... вдруг это – правда?

Сен-Жермен что-то писал за большим письменным столом, заваленным бумагами, и был явно недоволен появлением Алексея. Под пристальным, холодным взглядом боевой запал молодого человека сразу пропал, слова застряли в горле, а мысль получилось озвучить с трудом. В голове все сложилось ладно и правильно, а высказанный вслух вопрос свелся к робкому бессвязному бормотанию:

– А вот... Дикая Охота, она как тут?

– Вы не только слушаете Семеновы бредни и верите им, словно младенец, – раздраженно отозвался Сен-Жермен, – но и манеру разговора у него переняли. Свою мысль нужно формулировать четче, иначе вы лишаете собеседника возможности понять вас.

– Ну, почему же бредни... Дикая Охота... – повторил попытку Алексей. Язвительный тон графа не добавил уверенности.

– Суеверие. Алексей, я был лучшего мнения о вас. Насколько я успел понять, в будущем люди не так суеверны, как в веке восемнадцатом. Вы – исключение?

– Нет, но...

– А раз нет, давайте прекратим этот разговор. Я никогда больше не хочу ничего слышать о Дикой Охоте. Избавьте меня, пожалуйста, от подобных рассуждений. Вам все ясно?

– Да. – Алексею самому уже расхотелось обсуждать с графом этот вопрос.

– Тогда у вас все? Если да, то приходите позже, вы мешаете мне работать.

Граф уткнулся носом в документы, и лишь когда Алексей напомнил об обещанной проверке магических способностей, обреченно вздохнул и, видимо смирившись с неизбежным, предложил подождать, пока закончит работу.

Молодой человек огляделся – любопытно все же посмотреть на кабинет мага. Но ни черепов, ни засушенных летучих мышей, ни полок с колбами и пробирками здесь не наблюдалось. Да и вообще, обстановка по сравнению с другими комнатами была очень скромной. Массивный письменный стол, за которым сидел Сен-Жермен, высокий шкаф и маленький диванчик у окна – ничего интересного, если не считать огромного зеркала в потемневшей от времени резной раме.

Алексей подошел ближе и удивленно хмыкнул – зеркало ничего не отражало. Оно было совершенно мутным, как будто оплавленным, лишь время от времени по его поверхности пробегали сиреневые искры. Да и сделано оно было не из стекла, а из какого-то непонятного материала – то ли камня, то ли металлического сплава. Заинтересовавшись, молодой человек протянул руку к поверхности и тут же услышал гневный окрик Сен-Жермена:

– Не смей!

Алексей вздрогнул, отдернул руку и обернулся. Граф вскочил из-за стола, и его разгневанное лицо не сулило ничего хорошего.

– Да я только потрогать хотел, а то непонятно, из чего сделано, – попытался оправдаться молодой человек. – Оно даже не отражает ничего, думал, может, пыльное.

– Пыльное?! – возмутился Сен-Жермен. – Это вас, милостивый государь, самого пыльным мешком по голове стукнули, раз вы лапаете без спроса магические артефакты, тем более такой силы.

– Так я же не знал, что оно магическое, – пробормотал Алексей, с опаской косясь на зеркало. – Извините, господин граф, я не хотел ничего плохого сделать.

– Если бы и сделал что-то плохое, так только себе, – проворчал граф, успокоившись. – Сядьте вон на диван, я сейчас приберусь, и поговорим.

Сен-Жермен сложил бумаги в папку, убрал ее в шкаф и повернулся к Алексею:

– Ну, теперь займемся вами... Начнем, пожалуй, с простого.

Граф достал из шкафа большой фолиант в переплете из черной кожи с металлическими застёжками.

– Подойдите сюда, господин Артемьев, и положите руку на книгу.

Алексей приблизился и остановился в нерешительности – трогать книгу не хотелось. Он испытывал непонятный страх и отвращение, словно на столе лежал большой ядовитый паук. Молодой человек отшатнулся и даже спрятал руки за спину.

– В чем дело? – удивленно спросил граф.

– Я не буду трогать эту мерзость!

– Вот как?! А позвольте спросить, почему? – В голосе Сен-Жермена звучала заинтересованность.

– Не знаю... – Молодой человек передернулся от отвращения. – Она противная.

– Интересно... Но вы все же дотроньтесь. Я вас уверяю, ничего страшного не случится. В конце концов, это просто книга. Или вы боитесь?

Алексей очень хотелось сказать, что он не просто боится, у него даже желудок скручивается от страха. Но было стыдно, и он, сцепив зубы и зажмурив глаза, положил руку на фолиант. Ничего страшного действительно не случилось, хоть и было довольно неприятно.

– Что вы чувствуете?

– Тепло... покалывает немного, – молодой человек прислушался к своим ощущениям, – противно очень.

Внезапно перед его мысленным взором вспыхнула картинка: обнаженный человек, лежащий вниз лицом на плоском камне, кровавое мясо на спине и лоскутки содранной кожи. Искривленное болью лицо человека было ужасно, а рот открылся в беззвучном крике. Видение оказалось настолько ярким, что Алексею даже почудился запах крови. Он охнул и отскочил от стола, непроизвольно вытирая руку о полу кафтана.

– Эт-т-то что?! – выдавил молодой человек.

– Что «что»?

– Ну, мне показалось, будто с человека сдирают кожу. – Алексей даже помотал головой, чтобы избавиться от неприятного воспоминания.

– Гм, занятно... – пробормотал граф, с интересом рассматривая молодого человека. – Успокойтесь, это... ну скажем, побочный эффект... странный, надо сказать, эффект. И непонятный. Дело в том, что переплет книги действительно сделан из человеческой кожи. Правда, сделана она очень давно, – поспешно добавил Сен-Жермен, увидев как побледнел Алексей. – Не волнуйтесь, я здесь ни при чем... Но продолжим.

– Может, не надо?... – со страхом пробормотал молодой человек.

– Не беспокойтесь, испытание будет совсем простым и без всяких... гм... побочных эффектов. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Граф, покопавшись в шкафу, вынул довольно большой кристалл, закрепленный на металлической подставке.

– Вот, это своеобразный индикатор магии. Он позволяет определить наличие и уровень магии в объекте. Если у вас есть способности, то кристалл будет светиться. Смотрите.

Сен-Жермен, сняв массивный перстень, убрал его в карман и поднес руку к кристаллу. Камень вспыхнул ярким красно-оранжевым светом, временами в сверкающем ореоле проскальзывали зеленые и голубые искры.

– Видите, у меня довольно высокий магический потенциал. Свечение может быть разного цвета, в зависимости от того, к какому виду магии вы предрасположены. У меня это красный цвет, связанный с силой огня. Но мне не чужды и другие стихии, поэтому свечение имеет разные оттенки. Теперь ваша очередь.

Заинтересованный молодой человек протянул руку. Некоторое время ничего не происходило, и Алексей уже разочарованно вздохнул, затем кристалл, словно передумав, начал светиться серебристо-белым светом, но неярко и вспышками, внутри него словно трепетал от ветра серебристый огонек.

– И что это значит? – спросил Алексей задумчивого графа.

– Если бы я знал... – Сен-Жермен потербил сережку в ухе и с сомнением посмотрел на собеседника. – Магию в вас кристалл чувствует, хотя и не очень сильную и почему-то нестабильную. Но главное, я такого оттенка никогда не встречал и даже не могу предположить, с какой стихией он может быть связан. Но я надеюсь, мы со временем сможем в этом разобраться. Жаль только, что на роль ученика мага вы не подходите – способности слишком маленькие, нет смысла с вами возиться.

– Так, значит, можно и домой?.. – с надеждой спросил Алексей.

– Вы забыли, юноша, наш с вами разговор. Я не могу сейчас отправить вас домой. Не могу. Так что пока вы числитесь моим учеником.

Алексей горестно вздохнул и, распрощавшись с графом до вечера, направился к двери, но задержался у зеркала.

– Господин граф, а все же для чего это зеркало?

Сен-Жермен некоторое время смотрел на Алексея, видимо, размышляя, стоит ли посвящать того в свои тайны, но потом кивнул головой:

– Ладно. Это не зеркало, точнее, не совсем зеркало. Это очень древний артефакт, и использую я его в разных целях, в том числе в нем можно увидеть будущее.

– Будущее?! – недоверчиво воскликнул Алексей. – Вы можете узнать свое будущее?

– Нет, – жестко ответил Сен-Жермен и нахмурился. – Мое будущее увидеть невозможно по ряду причин. А вот ваше можно.

– Мое? А давайте посмотрим? – Алексей подумал, что если это все же дурацкое реалити-шоу, то разоблачить графа будет совсем нетрудно. Хотя мысль о реалити-шоу казалась теперь абсурдной. Вряд ли кому придет в голову разыгрывать столь сложный спектакль.

– Вы в этом уверены? Будущее, во-первых, может быть не очень радостным, во-вторых, вы не увидите ничего, кроме себя. Что вам даст, если вы посмотрите на себя тридцатилетнего?

– Ну, все равно, интересно! – Алексей посмотрел на графа, как ребенок, выпрашивающий приглянувшуюся игрушку.

Сен-Жермен вздохнул и подвел молодого человека к зеркалу. Коснулся нескольких фигур на раме, пробормотал несколько слов на незнакомом языке и провел рукой над поверхностью артефакта. Искр стало больше, и скоро зеркало засветилось ровным сиреневым светом.

– Придется немного подождать, пока оно настроится. Скажите, если увидите что-то интересное. Только, упаси вас бог, ни до чего не дотрагивайтесь. А то окажетесь где-нибудь в Древнем Египте в обнимку с мумией. А я пока уберу кристалл.

Алексей покосился на графа, размышляя, не шутит ли тот, но Сен-Жермен, похоже, шутить вообще не умел. Молодой человек с нетерпением уставился в зеркало, было любопытно и в то же время страшно. А вдруг он до тридцати лет вообще не доживет? Мысль эта была настолько пугающей, что Алексей уже хотел отказаться от своей затеи. Но поверхность зеркала стала прозрачной, и в ней появилась оскаленная морда волка. Молодой человек даже отшатнулся, но изображение мигнуло и погасло, а вместо волчьей морды возник он сам. Высокий светловолосый парень с испуганными серыми глазами, одетый в коричневый камзол и такого же цвета кафтан. Алексей даже не сразу понял, что видит просто свое отражение, как в обычном зеркале. Он помахал рукой, почесал нос, скривил страшную рожу. Сомнений не было – это обыкновенное отражение. Подошедший Сен-Жермен хмыкнул.

– Это что, меня в будущем не будет? – дрожащим голосом спросил молодой человек.

– Почему же, вовсе не обязательно. – Граф странно посмотрел на Алексея. – Вы, господин Артемьев, преподносите один сюрприз за другим. Если вы видите лишь свое отражение, значит, ваше будущее неопределенно и оно зависит от того, какой выбор вы сделаете. И выбор этот определит не только каким вы будете, но и будете ли вообще.

Потрясенный Алексей молчал, желания рассказать об увиденной морде волка не было, тем более молодой человек предполагал, что она ему могла просто почудиться. Уж слишком часто в последнее время волки появлялись во снах.

– А сейчас, мой юный друг, – сказал граф, похлопав молодого человека по плечу, – я бы советовал вам отдохнуть, а то ночь нам с вами предстоит нелегкая и, уж точно, бессонная.

Алексей, переполненный впечатлениями, только в своей комнате вспомнил, что так и не спросил Сен-Жермена, почему его не выпустили из дома, но возвращаться не хотелось, а хотелось лечь и ни о чем не думать.

Глава 6

Последние сомнения в реальности происходящего развеялись окончательно, как только граф вывел Алексея из особняка. Направились они не в соседний дом, как предполагал молодой человек, а на другой конец города. Это действительно был Питер, о чем свидетельствовал шпиль Петропавловского собора на Васильевском острове. Но явно не двадцать первого века. Улицы, мощенные булыжником или просто настилами из досок. Богатые особняки, частично еще не достроенные, вперемешку с деревянными домишками, люди в старинной одежде. Вместо привычного шума машин – грохот телег и карет по булыжной мостовой, ржание коней, стук топоров на верфях Адмиралтейства и переругивание рабочих, тащивших тяжеленные бревна к строящемуся особняку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.